

Людмила Астахова, Яна Горшкова

ДАРЫ НЕНАВИСТИ

Помни о жизни

Людмила Астахова

Дары ненависти

«ЭКСМО»

2010

Астахова Л. В.

Дары ненависти / Л. В. Астахова — «Эксмо», 2010 — (Помни о жизни)

Три луны царят в ночном небе, и три народа живут на земле. Три народа, разделенные веками жестокой вражды, веками войн и нашествий, так и не сумевшие поровну поделить Джезим – Землю Радости, землю столь же прекрасную и щедрую, сколь и политую слезами и кровью. Давным-давно покоренные и завоеватели смешали кровь в своих потомках, но старая ненависть жива и поныне. Разные люди, разные боги, разные государства, и только Проклятие на всех одно. Никто не знает и не желает знать, на чьей стороне истина и кто был прав, а кто виноват в древнем раздоре. Если есть повод ненавидеть и возложить всю вину на кого-то другого, то кому нужна правда? Но пока живо Проклятье Внезапной Смерти, у Джезима нет надежды. И все же есть предел ненависти и вековой вражде...

Содержание

Пролог	5
Часть ПЕРВАЯ	8
Джойана Алэя Янамари	8
Грэйн ир-Марен	16
Джойана Алэя Янамари	29
Грэйн ир-Марен	39
Рэналд эрн-Конри	44
Джойана Алэя Янамари	46
Грэйн ир-Марен	50
Джойана Алэя Янамари	55
Вилдайр Эмрис, Священный Князь	60
Джойана Алэя Янамари	62
Рэналд эрн Конри	69
Вилдайр Эмрис, Священный Князь	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Людмила Астахова, Яна Горшкова

Дары ненависти

Ивану и Олегу, нашим сыновьям

Пролог

Ночью ударил мороз. Да такой, какого Саннива не знала уже полсотни лет. А накануне весь день шел дождь. В последние годы – обычное дело в январе. Как зарядит на несколько дней, так хоть из дому не выходи. И вдруг налетел северный ветер, выстудил, выморозил, сковал тонкой корочкой льда все вокруг. А следом выглянуло солнце, превратив каждое дерево, каждый кустик в сверкающие хрустальные подсвечники. Очень красиво, очень празднично. То, что нужно в столь знаменательный день, чтобы его запомнили на долгие годы.

На завтрак Лерден заказал нежный омлет, индюшачью котлетку, кусок клубничного торта и бокал кларета. Не забыл он напомнить и о чистой смене белья, особенно настаивая на свежей рубашке. После ванны тюремный цирюльник тщательно выбрил клиента и подстриг его отросшие в заключении волосы до приемлемой длины.

– Шея должна быть открыта, – напомнил Лерден, придирчиво разглядывая через два зеркала свой затылок. – И подровняйте височки. В этом месяце бакенбарды уже не в моде.

Ровно к одиннадцати часам, когда за ним пришли, лорд Гарби был готов.

– Лерден Баркарна Гарби?

– Так точно, пристав.

– Соболаговолите проследовать за мной.

Конвоиры обыскали приговоренного на предмет тех вещей, коими он мог бы совершить самоубийство, но ничего не нашли. Лорд Гарби самостоятельно покинул свою камеру, к общей радости тюремщиков не буяня и не бранясь, как это порой случалось с ведомыми на казнь. Иные узники до последней минуты сопротивлялись: цеплялись руками за нары, за стены, за двери; плакали, кричали обезумевшими от отчаяния голосами.

– Не желаете шапочку надеть? На улице мороз, а ехать нам не менее получаса, – участливо спросил доктор, чей долг был констатировать смерть.

– Спасибо, сударь. Даже если я отморожу по дороге уши, то хуже им уже не будет, – ухмыльнулся Лерден.

– Как пожелаете, милорд, – пожал плечами тот.

Солнце сияло, лед блестел, и казалось, над Саннивой разливается тихий звон. Это ветер легонько трогал обледеневшие ветки, и они отзывались на его прикосновения, будто стеклянные колокольчики.

А Лерден Гарби шурился от яркого света и улыбался своим мыслям, словно его везли не на казнь, а на бал. Открытый экипаж двигался не быстро и не медленно, а в таком темпе, чтобы горожане успели поглазеть на государственного преступника и ощутить всю тяжесть карающей длани закона, а сам злодей – попрощаться с этой жизнью. Чем, собственно, Лерден и занимался. Только не так, как это принято, а в своей собственной манере – легкомысленно и цинично. Посылал воздушные поцелуи прелестным девушкам, а специально для серьезных матрон корчил рожи, сводя глаза к переносице и вываливая язык. Неизвестно, что чувствовали суровые саннивские дамы, но детишкам нравилось. Они хохотали до упаду. Доктор недоуменно разглядывался с приставом, а конвоиры облегченно вздыхали. Этого шутника не придется волочить на эшафот за руки и за ноги. Что значит благородный человек, воспитанный в старом синтафском духе стойкости, он никому не станет причинять неудобств. Вот всегда бы так!

Площадь Мира, где должна была состояться казнь, заблаговременно очистили ото льда и даже посыпали песочком, чтобы почтенная публика случайно не покалечилась. Подиум тщательно подмели, протерли замшевой тряпочкой усекающую машину, дополнительно смазали маслом все металлические детали, кроме лезвия. Даже короб, в который потом положат тело и голову, был новехонький.

– Мужайтесь, милорд, – тихо сказал пристав, придерживая приговоренного под локоть, чтобы тот мог спокойно выйти из экипажа.

Лерден не взошел, он взлетел по ступенькам, так легко ему было и свободно. Развернулся к толпе и чуть не ахнул. О Предвечный! Что это было за зрелище! Море человеческих голов разлилось перед ним. Лица и глаза, глаза и лица, мужские шляпы, дамские капоры, перья, ленты...

По всему периметру площади Мира росли старые клены, превратившиеся этой ночью в настоящую сверкающую корону из хрусталя и серебра. Сверху – синий купол небес, а над головой – зеркально блестящее, наточенное до бритвенной остроты лезвие, торжественно вознесенное на высоту в два человеческих роста. Да в такой день и умереть не страшно. Унести с собой в вечность всю эту красоту дано не каждому.

С рождения обладавший великолепным вкусом и артистичностью, Лерден Гарби прекрасно представлял, как он выглядит со стороны – изящный, как статуэтка, хоть невысокий, зато прекрасно сложенный, не красавец, но невероятно обаятельный, в белоснежной рубашке, небрежно расстегнутой на груди, брюках, обтягивающих стройные ноги, и начищенных до блеска сапогах. Народу нужен праздник, зрелище, фонтан впечатлений? Они у нас есть!

Приговор был оглашен еще в суде, текст его напечатали и развесили по всей столице. Имуущество будет продано с молотка. Все формальности, вроде завещания одежды в пользу палача, соблюдены, прощальные письма разосланы родне. Вроде бы все, кроме самого последнего. Лерден сразу же нашел глазами закрытую карету с гербом Янамари на дверце. Очень хорошо! Теперь он был спокоен – она пришла. Значит, не зря, все не зря.

– Займите свое место, сударь, – попросил палач.

И тогда Лерден сделал то, что хотел с самого начала. Он грациозно поклонился, выпрямился, сложил руки вертикально лодочкой перед грудью, затем изобразил ими ромб, приставил пальцы к подбородку и резко простер ладони перед собой в сторону янамарской кареты. Словно призывая помнить о себе женщину, спрятавшуюся внутри. В толпе зашептались, конвой напрягся, палач легко коснулся плеча подопечного, мол, не задерживайтесь, милорд, впереди самое интересное.

Лерден, собственно, и не собирался, он сделал все, как полагается: смиренно лег на ложе животом, уложил голову в специальном углублении. И пока сверху опускали планку с выемкой для шеи, думал лишь о том, как ему удалось вывернуться из когтей Эсмонд-Круга, так опрометчиво поторопившегося предать его казни. Но теперь за дело возьмется леди Янамари, графиня-шуриа¹, а значит, смерть его не будет напрасной.

«Я успел подать знак! Успел!» – мысленно ликовал Гарби, совершенно не думая о смерти.

Она его не страшила, и вовсе не потому, что Лерден был такой храбрый, совсем нет. Просто теперь он точно знал, что есть кое-что страшнее смерти. И чем скорее его голова отделится от тела, тем быстрее Джойана Янамари сделает первый шаг, тем быстрее кончатся страдания и безнадежность, а вечность станет на несколько минут короче и бездна менее глубокой.

– Ну? Скоро вы там? – сварливо буркнул Гарби, заметив, что палач мешкает.

– Сначала барабаны.

– А! Понятно.

¹ *Шуриа* – самоназвание народа Змеиной Луны (также именуемого проклятыми или *Третьими*).

По команде пристава барабанщики отбили короткую зловещую дробь, затем грохот резко смолк. Над площадью повисла невыносимая для такого скопления народа тишина. Почти живая и осязаемая.

«Я верую. Я помню. Я никогда не...»

Палач отпустил веревку, лезвие, со свистом рассекая воздух, скатилось по направляющим желобам вниз, прервав мысли Лердена Гарби и саму его жизнь.

Звук удара об доски помоста стал сигналом, чтобы онемевшая на миг толпа яростно взревела от ужаса и восторга. Голова казненного злодея, весело подпрыгивая, откатилась в сторону и застыла. Мертвые серые глаза Лердена уже зрили будущее, такое, которое устрасило бы многих и многих, но губы его, безнадежно скованные смертью, остались безмолвны. К сожалению или к счастью.

Часть ПЕРВАЯ

Джойана Алэя Янамари

Рассвету не пришлось искать щель в тяжелых портьерах, он свободно ворвался в спальню сквозь незашторенное окно, как самый желанный гость. Щекотно тронул ресницы дремлющей женщины, заставив ее улыбнуться. Вот теперь каждый может заняться делом: хозяйка – повернуться на другой бок и снова заснуть, а рассвет – позволить себе укутаться в густой текучий туман и сырой ветер. Апрель месяц на дворе все-таки. Снег сошел совсем недавно, и только кое-где на южных склонах начала пробиваться трава, а настоящую весну в Янамари еще пару недель ждать – пока сменится погода и прогреется земля.

Вот и подождем. А пока пусть мелко брызжет то ли дождик, то ли снежок, скрипят старые вязы и ветер треплет мокрые полотнища флагов. Под этот мерный шорох спится особенно сладко. А если еще под боком пристроится маленький мальчик, теплый-прегретый, то можно и до полудня глаз не разомкнуть.

– Идгард, тебе не стыдно? – шепнула Джона, целуя сына в светловолосый затылок. – Ты уже такой большой.

Ребенок что-то сонно и неразборчиво пробормотал в ответ, стиснув в горячем кулачке ее указательный палец. Ах, совенок, совенок, за что ж тебя ругать? За то, что дитя стосковалось в разлуке? Это ведь для взрослого месяц пролетает почти незаметно, а для пятилетнего малыша три долгие весенние недели – срок преизрядный.

Джона тоже соскучилась по младшему сыну, да так сильно, что сама, вернувшись из столицы в поместье, не спускала его с рук. Тискала, играла с ним, таскала за собой повсюду. Вот он теперь и бегает каждое утро досматривать сны в спальню родительницы.

Прежде чем покинуть постель, Джона укутала мальчика в одеяло, соорудив из него то ли гнездышко, то ли теплый кокон:

– Спи, спи, мой совенок.

Скоро волосы у Идгарда приобретут отчетливый сизый оттенок, глаза из светло-нефритовых станут золотистыми, и тогда мало кто ошибется, чьей он крови. Но несколько лет относительного покоя еще есть, а потом... Загадывать так далеко у Джоны не получилось бы при всем желании, но она и не пыталась. Надо еще дожить. Столько рассветов предстоит встретить, прежде чем леди Джойане придется всерьез думать над судьбой сына.

А пока – она быстро набросила поверх ночной сорочки халат, сунула узкие ступни в туфли, одновременно держа за ленту звонка. Вставать – значит вставать.

Тяжелый старомодный шлафрок, доставшийся Джоне по наследству от покойной матери, шлейфом волочился сзади, к тому же он прекрасно защищал от сквозняков, беспрепятственно гулявших по огромному дому. Что значит старые добрые вещи, делавшиеся исключительно ради удобства, а не в угоду очередному поветрию моды. В одеяниях, которые предписывалось носить в этом сезоне, недолго простудиться и помереть. Может быть, поэтому нынешние платья так напоминают погребальные саваны? Нет, ну точно! На знаменах Моды начертано золотом: «Естественность – прежде всего!» Никаких корсетов, никаких фижм и прочих приспособлений для введения в заблуждение окружающих, прежде всего мужчин. Какая трогательная забота, надо же!

Лицо у горничной было чуть помятым, словно она полночи провела... И ведь точно! Именно там, где предположила Джона. И с тем, с кем надо. От девушки веяло жарким барак-

таньем под толстым одеялом, бесстыдством и глупостью, которая пока еще больше наивность и неопытность, чем окончательное затверждение мозгов. Ох, допрыгается она.

– Милая, завтрак мне в кабинет через полчаса. – И вслед уже убегающей девице: – Скажи привратнику, что я жду письмо из Саннивы. Курьера – чтобы сразу ко мне. – И чуть не забыла: – Рамман уже встал?

Служанка, привыкшая к такой последовательности распоряжений, потопталась на месте несколько лишних минут, на тот случай, если у госпожи появятся новые мысли и вопросы.

– Молодой хозяин вчера изволили поздно ко сну отойти. Почивает.

Джона недовольно наморщила нос.

«Ах, вот оно что?! Изволили припоздниться в кровать, а теперь почивают? Как это мило с их стороны. А если мы их сейчас изволим пробудить, то – что будет?»

Старший сын и наследник Янамари предпочел занять комнаты в новом крыле, пристроенном в прошлом году. Правильно сделал. Рамман уже взрослый и должен соответствовать статусу. А молодому графу, наследнику имени и земель, негоже обретаться в маленькой детской.

Услышав мягкое шлепанье кожаных подошв, оглянулся дворецкий, тут же поклонился, расплываясь в улыбке:

– Доброе утро, миледи!

– И тебе, Юкин.

– Есть ли у вас какие-то пожелания, миледи? Ванну? Заложить коляску?

– Никаких, совершенно никаких, – рассмеялась Джойана, отмахиваясь от угодливого слуги, точно от осы, обеими руками.

– Очень правильно. Погода сегодня отнюдь не для прогулок, – заявил Юкин, важно оттопыривая нижнюю губу. – Паршивая погода, если вам угодно знать мое мнение, миледи.

Джона бросила рассеянный взгляд в окно. Отличная погода: моросит дождик, низкие тяжелые тучи медленно плывут на север, черная полоса еще безлистного, голого леса на самой линии горизонта. Только глухие к голосам духов ролфи² могут считать такой прекрасный день паршивым. Хуже них лишь диллайн – абсолютно закрытые для тончайших миров. Высокий, нагулявший за последние тридцать лет изрядный животик полукровка Юкин, пожалуй, сочетал в себе оба недостатка – «глухоту» *Вторых* и «слепоту» *Первых*. Иногда Джона пыталась себе представить, как это – не внимать зову, не слышать голосов рек и перелесков, озер и тропинок, облаков и камней, не видеть самую Жизнь. Старалась изо всех сил, но так и не смогла понять – как можно так жить? Впрочем, окружающие, в том числе и Юкин, смотрели на нее с не меньшей жалостью, только по другой причине.

– А я бы не отказалась от прогулки...

– Поберегите себя, миледи. Не ровен час, простудитесь.

– Ладно, ладно, носа сегодня из дома не покажу, – пробурчала Джона, не желая расстраивать добросердечного дворецкого.

И отвернулась, чтобы не видеть довольной улыбки на лице Юкина. Бедный полукровка. Так и просидишь всю жизнь в своей норке. Э-эх...

А Рамман уже проснулся. И застать его врасплох не удалось. Резким рывком отворив дверь в спальню, Джона оказалась вынуждена ловить одну за другой маленькие, набитые травами подушечки, брошенные метким юношей. Несколько минут они азартно перекидывались мягкими «снарядами», прыгая по старинному ложу. Любимая игра, бережно сохранившаяся с детства в качестве традиции, хотя Рамману будущей зимой исполнялось семнадцать и он перерос мать на две головы. Древнее творение столяра под ногами скрипело, но не сдавалось.

² Названия населяющих империю народов – диллайн (*Первые*, одержимые), ролфи (*Вторые*, бешеные), шуриа (*Третьи*, проклятые).

Джона подловила момент и выдернула из-под ног сына одеяло.

– Ага! Попался?!

– Ну уж нет.

Он стал ее последней и самой интересной игрушкой – живой, говорящей, любящей. Сколько Рамман себя помнил – родительница не воспитывала его, она с ним играла. В дочки-матери. Точнее, в «сыночки-матери»: в чтение, в прогулки, во всамделишную маму и ее малыша, так весело, непринужденно и эгоистично, как это бывает у женщин, слишком рано познавших материнство.

– Слуги говорят, ты поздно лег. Свидание? – лукаво поинтересовалась Джона, когда их маленькое шутовское побоище закончилось почетной ничьей.

Юноша не смутился вопросом. Считалось, что сердечных секретов меж родственниками не водится.

– Ах, если бы! Опять засиделся над отчетами. Каракули лорда Кутберта может понять только профессиональный шифровальщик. При каком императоре он каллиграфии учился-то?

Императорский наместник, призванный руководить делами графства до совершеннолетия Раммана, потому и был выбран на эту должность, что отличался педантизмом и скрупулезностью. Его доклады предназначались еще и для обучения наследника Янамари азам сложной науки управления.

– При Дагберте Четвертом. Кажется... Ты слишком серьезен для своих лет, дорогой. Я могу тебя познакомить...

– Мама!!!

– Она замечательная девушка! Ты не пожалеешь.

Мать и сын встретились взглядами. Если бы Рамман не изучил свою драгоценную родительницу, решил бы, чего доброго, что она и впрямь озабочена его излишней серьезностью.

– Мама, я уже жалею, что сегодня не заперся на ключ, раз уж ты так преисполнена жаждой сводничества, – жестко ответил он, не давая ей ни малейшего шанса.

Джона даже немного обиделась. Это – нечестно!

– Я никогда от вас не запиралась. Сегодня вот снова Идгард прибежал перед рассветом.

Рамман нахмурился. Он знал, почему младший брат каждое утро мчит в родительскую спальню. Потому же, почему он сам поступал так в свое время. Нашлись, значит, «участливые» люди и рассказали малышу всю правду.

«Выясню – кто, тут же выгоню в шею, – мысленно посулил юноша неведомому доброхоту. – А я обязательно выясню».

Он до сих пор помнил тот ужас, который испытал, узнав, что его самая лучшая, самая красивая, самая добрая мама – шуриа, *проклятая*, обреченная однажды не проснуться без всякой причины. Первой мыслью было найти способ избавить Джону от проклятия – отыскать могущественного волшебника, добыть драконьей крови или рог единорога, как это делают герои сказок – могучие витязи-рыцари. Все те же «добряки» не пожалели времени и сил, чтобы посвятить в подробности: не существует никакого средства, а шуриа обречены на внезапную смерть вот уже тысячу лет. Дескать, однажды за миг до восхода солнца отступающая ночь унесет в стальных когтях душу леди Джойаны, оставив тело бездыханным. Так и будет рано или поздно. Лучше, конечно, чтобы поздно, но бедный мальчик должен заранее подготовиться... Ну, и всякая прочая зловредная ерунда, подаваемая под соусом благих намерений.

Страшный удар для ребенка, что ни говори. И Рамман точно так же, как сейчас Идгард, сломя голову бежал в опочивальню, чтобы не дать злодейке-ночи сделать свое черное дело, подныривал под одеяло и до синяков впивался пальцами в запястья Джоны. Та что-то сонно мурлыкала, пыталась щекотаться, а потом они засыпали в обнимку – абсолютно счастливые. Отец только, знай, посмеивался и обзывал Раммана «маменькиным подбочным сынком». Тот никогда не обижался.

– Жаль, что ты не можешь взять Идгарда с собой в Санниву. Зимой тут скучно. А в этом году так вообще тоска была смертная.

Гнилая зима выдалась – оттепель сменялась оттепелью, сплошная серость и сырость, настоящий снег выпал лишь в начале марта.

– А помнишь, как мы ходили на представления господина Финно? – вдруг спросила Джона.

Горластые зазывалы, яркие флаги, трубачи, канатоходцы, танцовщицы в блестках, дрессированные мартышки, леденцы на палочке, акробаты – что еще нужно для счастья пятилетнему мальчику?

– Конечно. А потом ты в кондитерской на перекрестке Ковровщиков с Златокузнецами покупала мне пончики с шоколадной начинкой, – облизнулся Рамман. – Идгарду они тоже очень понравились.

Джона сдержала обещание и привезла из столицы целую корзину сладостей. Она потеряла на почтовой станции сундук с нарядами, порвала пальто и сломала зонтик, но подарки для детей из рук не выпустила ни на мгновение.

– Ты же знаешь, что в столице слишком много глаз и ушей. Идгарду там не место.

Спорить Рамман не стал, а просто перевел разговор на другую тему:

– Судя по твоему настроению, ты совсем заскучала. Считаешь, в Санниве уже все утихло?

Джона рухнула в мягкое кресло боком, возложив тощие длинные ноги на одну ручку, а спиной опершись на другую. Не умела она сидеть как все нормальные люди, просто не умела. Или не хотела. Нормальной же Джойана Алэя графиня Янамари не была никогда – что правда, то правда.

– За четыре недели? В этом осином гнезде? Когда никаких развлечений, кроме неудавшегося заговора, не предвидится? О нет! – ухмыльнулась она. – Готова поспорить, тив³ Херевард каждую ночь спит и видит меня в канаве со сломанной шеей.

Джона с самым мечтательным видом созерцала высокий потолок аскетично белого цвета, без лепнины и прочих излишеств. И думала, что, пожалуй, со вкусом у мальчика все хорошо, плохо другое – Рамман изрядно сэкономил на аксессуарах, прямо как истинный диллайн. Гармония есть, но нет волшебства недосказанности. Кровь берет свое, как ни крути. А ведь он даже не похож...

– Тебе не следовало связываться с этим слабовольным ублюдком Лерденом Гарби, – мрачно молвил Рамман, решив, что настало время высказаться откровенно. – От него так и несло предательством.

– Много ты понимаешь, – огрызнулась Джона.

У прожженного интригана Гарби и в самом деле совести не имелось даже в зачаточном состоянии, он не гнушался самыми подлыми приемчиками, когда речь заходила о деньгах и власти, но предателем... Нет, милый мой мальчик, предателем Гарби никогда не был. Пожалуй, Лерден оказался единственным в этом грязном, липком, вонючем болоте, которое именуется Саннивой, кому было не безразлично, что происходит с Великой Империей Синтаф. Единственным, кого интересовало еще что-то, кроме альковных приключений, карнавалов, сплетен или забавных технических новинок вроде воздушных шаров. Лерден Гарби... Щуплый, тонкокостный, черноволосый, одного с ней роста, то бишь очень и очень невысокий для мужчины. «Коротышка Гарби», так его называли светские сплетники, «очаровашка Гарби» – немногочисленные, но очень опытные любовницы, лорд Гарби – враги, причем шепотом и предварительно облизнув пересохшие от волнения губы. Джоне больше нравилось его имя. Лерден, Лерден – само изящество. Ты и был само изящество, когда взошел на эшафот. Пристрастие к хрустящим от крахмала снежно-белым рубашкам потом... ну, в общем, потом принято выда-

³ Тив – диллайнский священник-маг (мужчина), женщины называются – аннис.

вать за некую браваду, за насмешку над палачами. Но лорд Гарби просто не мог позволить себе умереть в несвежем белье. Никаких символов, судари мои. Своя очень чистая рубашка ближе к телу. И значительно приятнее.

– Он мог выдать меня с потрохами, он мог оговорить и утянуть за собой на плаху, но Лерден промолчал, – сказала Джона, глядя мимо сына, вернее, не глядя в его серые туманные глаза.

– Я...

– Ты не знал. Понимаю.

И все. Никаких воспитательных методов, столь модных в наш прогрессивный и просвещенный век. Давать ли детям полную свободу до пяти лет или с младенчества относиться, как ко взрослым? Пусть господин Бертрэйд экспериментирует, а мы – по старинке – личным примером и собственными мозгами.

Джойана выбралась из кресла, легким движением взлохматила русые сыновьи локоны, а заодно и провела тонким пальчиком по каминной полке. Пыль! Что и требовалось доказать.

– Разумеется, Элсис – девушка приятная во всех отношениях, но я плачу ей жалованье не за...

– Мама!

– Не за твое... хм... просвещение, а за вытирание пыли, – твердо закончила начатую фразу блистательная графиня Янамари.

Настроение Джоны можно было смело сравнить с обширным гардеробом, из тех, что остаются после венценосных особ, когда каждый наряд имеет свой номер по каталогу и предназначен для строго определенного случая. Вот только что мягкое фланелевое платьице под названием «Бестолковая мамаша» леди Алэя мгновенно сменила на шуршащую холодную тафту наряда «Суровая мать великовозрастного балбеса» (самого строгого кроя). Вроде тех, форменных, которые поголовно носят на архипелаге Ролэнси, чтобы сразу стало понятно, кто в каком чине и ранге, мимо кого гулять, здрав подборода, а кому кланяться в ножки.

Рамману бы промолчать, но он уже слишком взрослый, чтобы не замечать очевидного и верить в случайности. Он уже давно взрослый. Когда твоя мать – шуриа, иначе не бывает.

– Зачем ты приходила? – спросил он, когда Джона уже стояла на пороге.

Острые выступы лопаток заметно дрогнули. Графиня Алэя обернула к наследнику свой несовершенно профиль, тщательно занавесила тревогу тончайшей кисеей полуулыбки и молвила:

– Если что-то случится, я имею в виду, со мной случится, ты обратишься за помощью к Аластару.

Все-таки они были плоть от плоти и кровь от крови друг друга, что не могло ни радовать. Умение задавать правильные вопросы, чтобы услышать не то, что хочется, а правду, – это воистину дар свыше.

Аластар! Не имя, а выстрел в упор. Кажется, скажешь слишком громко, и по дубовой створке двери пройдет трещина, а то и по стене. Аластар Дагманд, граф Эск, чистокровный князь одержимых диллайн. Говорят, у него даже кровь золотого цвета, утверждают, что он никогда не спит, и шепчут, дескать, оборотень – он.

Рамман юлой завертелся, забегал кругами по ковру, то ли от ужаса, то ли от предвкушения.

Мать говорила не о смерти, она подразумевала менее радикальную опасность. Значит, чувствовала, что история с неудачным заговором еще не окончена и голова лорда Гарби в ней не кровавая точка, а запятая.

И если что-то случится...

Вообще-то, фигурально выражаясь, тучи над головой леди Янамари сгущались столь же регулярно, как и над долиной Намы – буквально. Что поделаешь, водораздел – место, где стал-

киваются воздушные потоки. Джона из той же породы, к тому же *проклятая*, как все шуриа. Рамман даже успел привыкнуть, как-никак все детство – сплошной калейдоскоп перемен: внезапные ночные побеги из обжитого дома, месяцы захватывающих прятков по замкам и усадьбам, маскарады с переодеванием то в слугу, то в девчонку.

Но сейчас все серьезнее, гораздо серьезнее. Рамман Янамари, конечно, не шуриа, но кое-что чувствует. И если случится... Аластар...

Сероглазый русоволосый юноша собрал всю свою волю в кулак. Он – взрослый, он – уравновешенный, он сделает как должно. И пусть... пусть с мамой ничего не случится. Эск никуда не денется, триста лет прожил и еще столько же проживет. Еще свидимся.

Вещи и люди различаются тем, что люди от рождения живы, а вещи – нет. Новые постройки мертвы, они красивы и чисты, на них приятно смотреть обычному глазу, но они безжизненны. В спальнях мужчины и женщины не любили друг друга, и не предавали, и не рожали детей, и не умирали от болезни или раны. В столовых не поднимали здравицы, не праздновали свадьбы и не справляли тризны. Медленно, медленно наполняется чаша жизни, постепенно дом станет живым и настоящим, и счастье диллайн и ролфи в том, что они не чувствуют разницы. Полукровки тоже, к слову. Поэтому Джоне в новом усадебном крыле холодно и неудобно, а в старом отцовском кабинете так хорошо и тепло.

Наверное, по причине неприязни к необжитым, чужим местам, из-за нежелания бежать куда глаза глядят от более сильных захватчиков шуриа стали добычей ролфи. Не самой легкой и не самой приятной, но все-таки. Не хотели *Третьи* бросать свои живые дома, реки, поля, сады, леса и озера, упирались до последнего. В этом отношении Джона унаследовала дух своих предков. Она не отступится от задуманного, не откажется от того, что уже сделано. Даже сейчас, когда воздух пахнет смертельной опасностью, в ушах стоит протяжный свист летящего лезвия и глухой стук чего-то круглого, падающего на доски эшафота. У Лердена не было ни сердца, ни совести, и сложись все так, как они задумали, уже через пару лет он сделал бы все возможное, чтобы покатила голова графини Янамари. Попытался бы – это точно. Зато у лорда Гарби имелись мозги и своеобразная честь. И эта комбинация искупала все остальные его недостатки, начиная от неумеренности в питии и заканчивая неразборчивостью в связях. Он сумел в последний момент подать нужный знак. Прямо с плахи. Романтичные девы небось посчитали изящный жест прощальным воздушным поцелуем. Впрочем, девы, тем паче романтичные, на публичные казни ходить не должны. Нет там ничего возвышенного, кроме самого эшафота, невольно возносящего презренного злодея над толпой. Лерден наверняка в свой последний миг почувствовал себя почти отмщенным, видя у своих ног разъявленные слюнявые рты и горящие жаждой крови глаза зевак.

Джона пришла на площадь Мира не только попрощаться с соратником, но и за последними инструкциями. И получила их.

Горничная принесла чай, блюдечко с медом и горку крошечных гренок – вот и весь завтрак. К вечеру хозяйка проголодается и будет готова съесть половину быка, но утренняя трапеза всегда легка и не отягощает желудок. Чтобы голова лучше работала.

Выпив чаю, Джона окончательно согрелась, выпросталась из тяжелого пледа, словно птенец из гнезда. А вот эта комната живая – и паучки свили гнездышки за шкафами с книгами, и мышки прогрызли в полу дырки, и не исключено, что где-то за дубовыми панелями в глубине кирпичной кладки спит заветный сундучок с золотом, припрятанный лет эдак триста назад. На огромном кожаном диване, на котором сейчас притаилась Джона, был зачат ее отец, из тонкой фарфоровой чашечки, что в руках, любила пивать чаи прабабка – кстати, чистокровная ролфи. Немые и бессловесные для всех прочих обитателей этого дома, вещи охотно делились воспоминаниями с Джоной, как прежде с ее матерью. Элишва, та могла часами рыться в грудах старого хлама на чердаке и в кладовках. Перебирала побитые молю тканью, рассматривала

разбитых кукол, листала выцветшие, рассыпающиеся в труху странички рукописей, никого не видя и ничего не слыша вокруг. Шуриа, что с нее возьмешь?

«Держи, – говорила мать и совала в руки Джоне расшитую бисером подушечку. – Ты чувствуешь? Ты слышишь? Ты видишь?»

И надеялась, что дочь не увидит, не услышит и не почувствует, то бишь не станет такой же, как она сама, – *проклятой*, шуриа, *Третьей*. Но однажды августовским вечером Джона легла спать, а проснулась уже в сентябре. Проснулась настоящей – чувствующей неошутимое, слышащей беззвучное и видящей незримое – шуриа. И узнала, что этой подушечкой прапрабабка задушила прижитого от чужого мужа ребенка.

С родичами по отцовской линии вообще «повезло». Алэя Янамари разве только поедом друг друга не ели из века в век. Удавленный младенец – цветочки, с ягодками дело обстояло еще лучше. Зато усадьба, десяток раз перестроенная, стоящая на фундаменте древнего замка, была живой, в том сокровенном смысле, как это понимают только шуриа. Призраки, духи, голоса, видения – скучать маленькой Джоне они не давали никогда. С ними было веселее, чем со сводными сестрами, и безопаснее, чем с единокровными братьями. Во всяком случае, поначалу.

– Курьер, миледи! – гаркнул Юкин из-за двери так, чтобы у леди Джоны осталось лишних полминутки в запасе.

Привычка, выработанная столетием безупречной службы, – вот что это такое. Госпожа – женщина вдовая, одинокая и может себе многое позволить, так зачем же ставить ее в неудобное положение?

Курьеру вряд ли дали глоток воды хлебнуть с дороги, а сразу же направили к хозяйке. Он с такой завистью смотрел на недопитый чай, что Джона сжалась над парнем.

– Пакет на стол, и ступайте на кухню, Винз. Я распоряжусь, чтобы вас покормили.

– И в баньку бы...

– За кого вы меня принимаете, Винз? Разумеется.

Белокурый полукровка принимал ее за шуриа – опасную женщину, отмеченную самой Смертью, хитростью и колдовством избежавшую казни, ловкую бестию. Ну и пусть.

– Счастливо оставаться, миледи.

Лучше бы он не видел, как графиня Янамари умеет пользоваться ножом для резания бумаги. В одно легкое, сильное и точное движение – раз! И нет никаких препятствий между леди Джойаной и ее будущим. Бумага все-таки удивительная, почти волшебная вещь. Терпит все, что угодно, даже тяжелые руны ролфи, даже словесный яд диллайн. А еще из достаточно ровного и квадратного куска можно сделать летающую фигурку. Из писем придворных сплетниц они получаются лучше всего и могут долететь из одного конца кабинета в другой – с дивана в камин. А еще говорят, что курица не птица. Глупости, куры о двух ногах и двух руках пишут удивительно легковесные послания.

Избавившись таким образом от половины корреспонденции, Джона приступила к изучению важных писем. Вскрывала осторожно, вчитывалась внимательно.

Лорд Джафит подробнейшим образом описывал последние новости. С предположениями и выводами, с изложением проверенных фактов и возможных последствий. И ничего хорошего графине Янамари он не сулил. Заговор Лердена Гарби разворошил застойное болото столичной жизни и вывел императора из себя. Седьмого, к слову, синтафского владыку за последние полстолетия. Ну разве не позор?

Атэлмар Восьмой сам взошел на трон в результате переворота. Ему ли удивляться? Было это пять лет назад, Джона как раз родила Идгарда и в столь интересном мероприятии поучаствовать не смогла. Очень жаль, очень жаль.

Следующее послание, от госпожи Бетико, графиня перечитала дважды. В нем сообщалось, что дом Лердена выставлен на продажу, как это принято делать с имуществом государ-

ственного преступника, и уйдет с молотка на публичном аукционе через несколько дней. При чем покупатель должен присутствовать лично. Открыто купить дом лорда Гарби Джона не могла. Тив Херевард не такой дурень, чтобы у него под носом проверить столь опасную сделку. Компрометирующие документы, имевшиеся в распоряжении Лердена, которые он умудрился спрятать, могли утянуть на дно весь нынешний высший свет. А если эти бумаги окажутся у Джоны...

Ух! Аж ладошки вспотели от открывающихся перспектив.

Графиня зажмурилась по-кошачьи, разрешая себе редкое удовольствие – помечтать. Например, об императорском троне. А почему нет? Ну почему? Вернуть утраченное тысячу лет назад, войти в Санниву... нет, в древнюю Солнечную Диллзу победительницей спустя столько веков после того, как отгремели все битвы. А там пусть травят хоть крысиным ядом!

И словно сон в руку... Надо же! Письмецо с далекой родины. О том, что оно с Шанты, догадаться могла только Джона, и то лишь исключительно по корявому почерку господина Тиглата. Считалось, что с островом нет никакой связи. И, как это водится у родин и прочих отчеств, для полного счастья им не хватало сущей мелочи – денег. Лучше в золоте, но и ассигнации конфедератов подойдут.

Если сесть и посчитать, то экстравагантное приданое маменьки влетало гордой наследнице в кругленькую сумму. А с другой стороны, кто же еще станет финансировать борцов за свободу и независимость, если не их... Именоваться принцессой Джоне не позволяла совесть. Какие у этих горцев короли могут быть? Голозадые и полудикие повелители бесплодных скал, нищих долин и тощих стад. Это даже не смешно. Просто папеньке Джойаны очень хотелось, чтобы его последняя пассия – одна из полудюжины дочек кланового вождя, на которую лег его горячий глаз, – называлась принцессой Шанты, и он напел в ухо Атэлмару Шестому, заодно подсказав идею, как прибрать остров вечного раздора между Империей Синтаф и Ролэнси к ручонкам. Элишва потом вспоминала, как во время коронации едва со смеху не померла. Смеяться она перестала, когда узнала, что семейство ее поголовно вырезали пришлые пираты в подозрительно одинаковых мундирах.

Господин Тиглат вышел на Джону несколько лет назад, когда она так внезапно овдовела. И хотя в тот момент графиню Янамари заботили совсем иные проблемы, она нашла в себе силы посочувствовать далекой исторической родине материально. Не глядя подписала чек, с ходу очаровав повстанца нежеланием вдаваться в подробности. Шанте нужны ружья, чтобы выбить из форта на скале Шила гарнизон подлых захватчиков-ролфи? Так купите столько, сколько вам требуется.

Вторые по-прежнему сидели в форте, невзирая на усилия господина Тиглата со товарищи, а деньги Янамари шли на всякие забавные стреляющие штуки. Регулярные отчеты, по крайней мере, выглядели очень убедительно. И всем было хорошо – Шанта, если верить вождю по-встанцев, сражалась, Джона честно помогала сородичам, шилский форт стоял нерушимо, а в воды пролива между Шантой и материком отваживались сунуться лишь имперские фрегаты, и то не поодиночке.

Джона небрежно черкнула в чековой книжке сумму вдвое меньше испрашиваемой. И пусть господин Тиглат порадуется.

Не давал покоя аукцион. В Санниву придется ехать, причем ехать срочно. Возможно, недвижимость удастся тайно перекупить или еще каким-то образом договориться с новым хозяином. В самом крайнем случае влезть без спросу под покровом тьмы, а дом сам расскажет шуриа про все свои тайны.

Решено! Мы едем на аукцион.

Самым нижним лежал узкий, замысловато сложенный конверт серого цвета. Три совиных пера и одно имя. Аластар.

Что-то должно случиться... Когда-то... Или уже случилось...

Грэйн ир-Марен

Рэйберт эрн-Фрэнген, комендант форта Логан, раскуривал трубку. Ни для кого из его подчиненных не было секретом, что командир курит очень редко и никогда без повода. Впрочем, этим вечером повод у него был, и для стоящей навтыжку посреди комнаты женщины в мундире прапорщика вспомогательных войск этот повод не был тайной. Майор Фрэнген был зол, но поскольку во злобе он пребывал постоянно, трубка означала, что комендант просто в ярости.

Еще каких-то пару-тройку часов назад женщина-офицер внутренне содрогнулась бы и стиснула зубы, чтоб не выказывать своего страха. Да что там! – еще час назад Грэйн ир-Марен прошиб бы ледяной пот, а в ногах поселилась бы ватная слабость. Однако за этот час многое изменилось, и в первую очередь – сама Грэйн. Теперь ее талию обнимал черно-зеленый офицерский шарф, а бедро согревала непривычная тяжесть сабли. В каком бы бешенстве ни пребывал нынче майор Фрэнген, он ничего не мог ей сделать. Нет, теперь уже нет. Бумага на столе перед ним, и массивная печать на шнурке алого шелка, и бегущий по волнам вслед за луной волк на этой печати – вот что делало ярость коменданта бессильной. Он это знал, и она это знала, а потому Грэйн не боялась его больше. Ладони ее были сухи, а колени не дрожали. Она – офицер. Наконец-то. Саднило плечо, где уже расцвело свежее клеймо посвященной Локки. И больше всего на свете свежеиспеченная прапорщица боялась, что долгожданное и невероятное звание – ошибка, а хуже того – жестокая насмешка. Вполне в духе майора Фрэнгена, на самом-то деле. Но с богиней войны шутить не посмел бы даже он, так что боль в плече пока что была единственным неоспоримым доказательством чуда. Это все взаправду, это по-настоящему. Она победила, а значит – его злоба и насмешки уже ничего не стоят. Так что теперь Грэйн могла позволить себе спокойствие, а что до взглядов... Каким бы зеленым ядом ни сочился взор Рэйберта, владельца имения Фрэнген, этот взгляд ее не убьет. Нет, теперь уже и в самом деле – нет.

– Ну, так как? Теперь ты счастлива?

Без малого пятнадцать лет непрерывного сосуществования бок о бок – срок, достаточный не только для того, чтоб узнать человека, но и чтобы изучить его вдоль и поперек. Во всяком случае, Грэйн была уверена, что коменданту нечем ее удивить. Малейший оттенок его голоса, поза, даже цвет глаз – когда от таких мелочей зависит твоя, по большому-то счету, жизнь, поневоле начнешь обращать внимание на нюансы. Она абсолютно точно знала, что это горло не способно исторгнуть иных звуков, кроме рычания. Она ошибалась. Если бы волки умели мурлыкать, и то это не прозвучало бы так... ласково. Это было неправильно, неестественно. Волки мурлыкать не умеют, а майор Фрэнген неспособен говорить тихо и вкрадчиво. Однако именно так он и заговорил, и неправильность происходящего напугала Грэйн сильнее, чем если бы он вдруг вскочил и ударил ее.

По правилам она должна была молчать, но все правила он только что нарушил. Девушка коротко вздохнула и позволила себе отрывистое:

– Да.

И не стала добавлять «эрн»⁴.

– Ты кое-что забыла, тебе не кажется? – еще более ласково, прямо-таки медово продолжил комендант.

Шалея от собственной дерзости, Грэйн чуть сузила глаза и практически отрезала:

– Нет, не кажется.

⁴ *Эрн* – титул землевладельца (-ицы), используется и как приставка к фамилии (эрн-Фрэнген), и как обращение (эрн Фрэнген) (приставка «ир» – относится к безземельным).

– Прелестно, – не меняя тона, Фрэнген откинулся на спинку кресла и в три движения расстегнул верхние пуговицы кителя, размотал шейный платок и затынулся. – И часа не прошло, как ты надела это, – рука с трубкой описала в воздухе некий жест, должный, по всей видимости, подразумевать перемены в облике и положении собеседницы, – и уже решила, верно, что можешь мне дерзить. Разочарую тебя: не можешь. Во всяком случае, пока. До утра ты все еще моя подчиненная, а сейчас пока и полуночи не пробило. Догадываешься, что я могу успеть сделать с тобой за это время, если захочу? Неужели и в самом деле нет? А я думаю, догадываешься. Вот, к примеру... обвинение, арест, трибунал и повешение поутру... хотя прошу прощения, расстрел. Ты же теперь «офицер», я не смогу тебя повесить. Ну так как? Отвечай: ты счастлива?

– Вы действительно хотите сделать все это? – Грэйнд приказала себе не дрожать и не ослушалась приказа, однако... он и вправду мог. Она его знала.

– Пока что я хочу всего лишь услышать, как ты отвечаешь. – Проклятие, а еще он, оказывается, умел улыбаться! И чем дальше, тем меньше нравились ей эти неожиданные открытия. – А чего я захочу потом, будет зависеть от тебя. Итак?

– Нет, – девушка, возможно, и хотела бы солгать, но все равно не смогла бы. Всем известно, что иногда среди чистокровных ролфи, не оскверненных примесью крови одержимых диллайнов или проклятых шуринов – да истребит Локка все их поганое племя! – рождаются те, кто способен безошибочно чутить ложь. В такие моменты, как этот, Грэйнд сильно подозревала, что майор Фрэнген – один из таких счастливцев, так что лгать ему было бесполезно, а отмолчаться, как обычно, все равно не получится. – Нет, я не счастлива. Пока еще нет. Эрн.

– Мне нравится это «пока», – эрн Фрэнген ухмыльнулся, показав крепкие белые зубы. – Подразумевает, что офицерский шарф и блестящая сабелка – не предел твоих мечтаний. А что же тогда? Неужели?.. – Он аж вперед подался, жадно всматриваясь в ее лицо. – Да нет, ты не можешь быть столь наивна! Неужто ты думаешь, что они дадут тебе землю?

Грэйнд возмущенно вскинула голову, мигом забыв про осторожность.

– Безземельные офицеры армии Священного Князя имеют право подать прошение о...

– Офицеры гвардии, – комендант снова развалился в своем кресле и насмешливо выгнул бровь. – Ты не в гвардии.

– Пока не в гвардии, эрн.

– Ты всего лишь прапорщик.

– Пока прапорщик, эрн.

– Нужно быть по меньшей мере лейтенантом и отслужить никак не три пятилетия, а гораздо дольше, чтобы рассчитывать на то, что тебя заметят... Погоди-ка! Тебя уже заметили! Ты же у нас, кажется, совершила подвиг? Выделилась. Обратила на себя внимание настолько, что из Эйнсли пригнали нарочного в нашу глухомань, а лорд эрн-Конри собственноручно подписал твой патент. Ах, да! И еще про тебя написали в газете. Целых три строчки о нашей героине. Да ты хоть понимаешь, дурочка, что все это значит?

– Вполне понимаю, – Грэйнд упрямо выставила челюсть. – Эрн.

– Нет, не понимаешь, – комендант внезапно оставил издевательски-насмешливый тон и сел прямо, отложив свою трубку. – Вы влезаете в опасную игру и не знаете правил, сударыня. И в лучшем случае вы закончите, как ваш отец. Что такое? Вы удивлены? Разве вы были слишком молоды, чтоб запомнить его, эрна Кэдвен?

– Я... – Девушка инстинктивно попятилась. – Откуда вы...

– Я был бы очень плохим командиром и никудышным комендантом, если б не уделял должного внимания делам моих подчиненных... и их прошлому – тоже. Ваш отец, капитан Сэйвард эрн-Кэдвен, сдал свой корабль врагу. Он совершил предательство и умер в тюрьме, к несчастью, уже после оглашения ему приговора. Имя его было обещано, имение конфис-

ковано, а вы из наследницы Кэдвен превратились в безземельную. Вам было двенадцать лет, Грэйи. Вы не можете этого не помнить.

– Я... – снова начала Грэйи и замолчала.

– Вы скрыли это, когда пошли в армию.

– Нет! Я не скрывала! Я просто...

– Вы просто не упомянули о своем отце, – Фрэнген тонко улыбнулся. – И надеялись, что дочери не придется отвечать за грехи родителя.

– Так гласит закон.

– Законы пишут люди. Впрочем, и выполняют их тоже люди.

– Я уже не была эрни Кэдвен, когда встала под знамена Бегущего Волка. – Девушка поджала губы. – И что за нужда вам была выяснять, кто же такая безземельная ир-Марен?

– О, нет... – комендант смешно округлил глаза и присвистнул. – Так вот каков был ваш план! Верной и беспорочной службой Священному Князю искупить предательство отца? Знаете, Грэйи, такие идеи могут посетить лишь воспитанницу пансиона для благородных девиц. Именно поэтому вы, по вашему собственному выражению, встали под знамена. Похвально и очень романтично. И бесконечно глупо.

– Нет, не поэтому, – отрезала она, откровенно задетая его насмешками.

– Что такое? Я все-таки покусился на святое? Все эти годы вы были сама скромность и покорность, а тут вдруг решили наконец-то показать зубы. И это несмотря на мои угрозы.

– И что с того? – Этот непонятный разговор, полный намеков и ловушек, изрядно утомил Грэйи. Настолько, что всегдашняя ее осторожность попятилась, уступая место усталому фатализму. Пятнадцать лет, долгих пятнадцать лет она рвала себе жилы, фактически ломала себя через колено, чтоб не вспоминать ни о гордости, ни о достоинстве, чтоб стать лучшей, а значит – самой незаметной, самой терпеливой... Все ради этого дня. И теперь... если теперь ей не хватает уже сил для последнего унижения, пусть так. Она устала от игр. Если Рэйберт эрн-Фрэнген всерьез решил уничтожить ее, сбить, словно птицу на взлете, она все равно не сможет ему помешать. Что ж... так будь что будет.

– Ты уязвима, Грэйи. Убедила всех, и даже меня, в том, что у тебя нет слабостей, окружила себя неприступными стенами и притаилась за ними. Но все-таки уязвима и ты. В твоей броне есть прореха, и об этом знаю не только я. Ты все еще не понимаешь?

– Говорите так, словно вам не все равно, что со мной теперь будет, – девушка угрюмо дернула плечом. – Что-то мне сложно поверить в такое внезапное участие.

– И правильно, – он усмехнулся открыто и весело, но Грэйи уже устала удивляться смене его ужимок. – Потому что мне все равно, Грэйи. Если б это было не так, я приложил бы все силы и влияние, чтоб тебе помешать. Но ты никогда мне не нравилась, а потому... Я сделаю для тебя три вещи, эрна Кэдвен, хорошую, плохую и очень плохую. Так сказать, три прощальных дара. С которого начать?

– Вам еще не надоело? – девушка вздохнула и сменила позу на «вольно». – Мне – надоело. Делайте что хотите, я все равно не смогу вам помешать.

– Вы бы подумали, прежде чем говорить такое, эрна Кэдвен.

Она даже не успела заметить, как именно комендант умудрился вылезти из-за стола и оказаться рядом. Только вздрогнула и судорожно сглотнула.

– Ну вот, и теперь вам по-настоящему страшно, – удовлетворенно мурлыкнул он где-то за ее плечом. Грэйи вскинула голову и запретила себе оборачиваться. – И правильно боитесь, ведь откуда вам знать, что взбредет мне в голову? Вы красивая девушка, эрна Кэдвен. На дворе ночь, мы одни, и дверь кабинета закрыта. Вдруг я замыслил что-то недостойное в отношении вас, а?

– Неужели? – она резко обернулась и насмешливо вскинула брови, бестрепетно встречая пронзительный зеленый взгляд коменданта. – Только теперь? У вас была бесконечность вре-

мени и возможностей, чтоб не только задумать, но и осуществить все, что угодно. Так чего же вы раньше ждали?

– Да вы, оказывается, стерва, сударыня! – Фрэнген рассмеялся и отступил на шаг. – Остерегитесь, Грэйи. Остерегитесь, потому что вот теперь вы действительно начинаете мне нравиться.

– Довольно, – Грэйи поморщилась. – Хватит меня запугивать, эрн Фрэнген. Чего вы от меня хотите? Скажите прямо, я отвечу, и покончим с этим. И, может быть, вы уже определитесь, как именно ко мне обращаться?

– Кровь не задушишь, да? Хотя ты и пыталась, а она все равно прорвалась наружу. Я имею в виду гордыню. Гордость, словно геморрой, – всегда вылезает в самый неподходящий момент. На тот случай, если ты еще не поняла, – момент неподходящий. Так что не сверкай глазами, Грэйи эрна Кэдвен. Присядь. Я хочу выпить с тобой за твое повышение.

– На тот случай, если *вы* не догадались, – она смерила его подозрительным взглядом, но подчинилась, осторожно усаживаясь в кресло, – вы тоже мне никогда не нравились.

– Два-три бокала красного имперского могут это поправить, – он легкомысленно пожал плечами, выуживая из ларя бутылку и два оловянных стакана, – и кто знает, чем тогда закончится вечер?

– Думаете, я испугаюсь и откажусь пить? – Грэйи фыркнула и взяла предложенный стакан. – Вот уж нет. Разве что вы что-то подсыпали в вино?

– Только что ты была испугана. Твое здоровье!

– У меня есть сабля, – парировала девушка и залпом выпила. – А еще у меня теперь есть право пустить саблю в ход. И, кстати, именно вы научили меня ею пользоваться.

– Эта наука не пошла тебе впрок, – комендант разлил по второй. – Запугать не удалось, придется напоить... Итак. Откуда о тебе узнал Конри?

– Попробуйте, – она насмешливо отсалютовала стаканом. – С чего вы взяли, что лорд Конри что-то обо мне знает?

– С того, что он подписал твой патент. Оставим пока смешную тему подвигов – ты не совершила ничего, что объяснило бы такой высокий интерес. Тем не менее он заинтересован. А если Мэрид чем-то так явно интересуется, я интересуюсь тоже.

– Мэрид? – переспросила Грэйи, подозревая, что вино оказалось коварнее, чем она думала. Во всяком случае, в мундире ей вдруг стало жарко.

– *Жемчуг*, – пояснил майор, поглядывая на нее поверх стакана. – Конри прозвали так, когда он был... еще не был лордом-секретарем Собственной Его Священной Особы Канцелярии. Ему подходит, не так ли? Женщины говорили, что подходит.

– О да, – поспешно согласилась девушка и быстро глотнула вина.

– Ты видела его лишь единожды, но трогательно краснеешь при упоминании его имени, – Фрэнген хохотнул. – Слышал я, что юные девы часто влюбляются в злодеев, но не думал, что благоразумные и уже не такие юные свежеиспеченные офицеры подвержены тому же недугу.

– Я не...

– Попалась! – он насмешливо погрозил пальцем. – Я обещал тебе подарок, помнишь?

– Три подарка, – буркнула смущенная Грэйи и уткнулась в стакан, чтоб не встречаться с ним взглядом.

– Начну с хорошего. Приятный вечер для историй, не так ли? Я расскажу тебе одну старинную историю, девушка. Полагаю, тебе понравится. Это очень грустная история, зато про любовь. Юным воспитанницам пансионеров нравятся такие байки. Итак... Давным-давно, в одном островном княжестве... – он прервался, чтоб налить еще вина, – служили вместе два молодых и благородных офицера, к слову сказать – уроженцы Синтафа. Полагаю, тебе не слишком интересны их имена, а потому назовем одного Честным, а другого – Умным. Годится? Я не слишком хорошо умею рассказывать истории, так что тебе придется извинить меня за

некоторую бедность изложения. Были они весьма дружны и все привыкли делить поровну – и выпивку, и баб, и подвиги во славу короны. Вот только Честный... или мне лучше назвать его Совестьным? Нет, слишком длинно... Честный думал прежде о родине, долге и своих подчиненных, а потом уже о себе, а Умный, в отличие от него, был умен, а потому просчитывал все на пять ходов вперед. И вот, как это обычно и бывает, встряла между двумя товарищами и братьями по оружию некая Дама, особа столь же ветреная, сколь и прекрасная. Оба увлеклись красавицей, но Умный рассудил, что добыча достается победителю, а двух победителей быть не может и тут любые средства хороши, а вот Честный посчитал, что ни одна баба не стоит того, чтоб ради нее похерить настоящую дружбу. Ты морщишься, как гимназистка, Грэйндир-Марен. Пей свое вино. Я разве не предупредил, что это длинная история? Дело между ними тем не менее шло к дуэли, ибо только так и принято разрешать вопросы собственности между двумя благородными владетелями. Честный не хотел драться с другом, но Умный был настойчив. И тогда Честный решил избавить товарища от нелегкого выбора между дружбой и любовью. Он не только отклонил вызов, не испугавшись обвинения в трусости, но еще и уступил другу предмет их спора. Так сказать, сдался без боя. Спустил флаг. А чтоб доказать свою искренность, скоростно женился на первой попавшейся ему хорошенькой девице. Невеста была из безземельных, но сей мезальянс не слишком испортил дела Честного, ведь он получил за ней неплохое приданое... Тебе интересно, что было дальше?

– Зачем... – Грэйндир поиграла желваками на скулах и сделала еще один быстрый глоток. – Зачем вы это делаете?

– Делаю что? – он ответил улыбкой – сама искренность и участие. – Я всего лишь рассказываю байку, Грэйндир, чтоб скоротать этот вечер. Только и всего. Но вот если предположить на мгновение, что эта давняя интрижка имеет хоть какое-то отношение к кому-то, известному тебе лично... Пожалуй, тогда тебе было бы даже полезно дослушать до конца.

– И что же случилось потом? – покорно спросила она, снова отводя взгляд. – Хотя мне кажется, что финал этой истории я знаю.

– Ну, может быть, тебе неизвестны все подробности? Как знать, а? – он снова подлил ей вина. – Итак, я продолжаю. В общем-то, Честный не прогадал, и какое-то время все были довольны: и утешивший добычу в свое логово Умник, и безземельная дочка торговца, внезапно заполучившая благородного мужа, и родня торговли, и даже сам Честный, поправивший свои дела настолько, что смог наконец-то купить патент капитан-лейтенанта. К тому же с торговкой ему повезло – безземельная оказалась прекрасной женой, подарившей супругу двух очаровательных дочек. Говорят, что старшая родилась умницей, зато младшая – красавицей. Вот только дружбы между двумя офицерами больше не было, как и вражды, впрочем. Их пути разошлись. И давняя эта история поросла бы быльем и забылась, если б дороги бывших друзей вновь не пересеклись. В ту пору один известный тебе офицер имел честь служить под командой Умника, потому ему и стали известны некоторые детали этих тайных дел. И он мог бы поделиться ими с некой молодой дамой, ежели дама пожелает слушать дальше. Мне продолжать, Грэйндир?

– По-моему, вы слишком увлекаетесь вином и воспоминаниями, – напряженно промолвила она, нервно облизнув губы. – Но... Хорошо, и что же этот офицер потребует в обмен на продолжение?

– Не то, о чем ты подумала, судя по пятнистому румянцу на твоей нежной шее, девушка, – ухмыльнулся комендант. – Это же подарок, ты не забыла? Так что можешь перестать трястись и бояться.

– А я и не боюсь. – В доказательство своих слов она храбро допила остатки вина и поставила стакан для следующей порции.

– О да, я вижу, как мы отважны во хмелю. Ну-с, тогда продолжим. Прекрасная Дама, жена Умника, оказалась той еще дрянью. И года не прошло, как она начала блудить направо и

в конце концов, попросту сбежала на материк, прихватив с собой часть мужнего имущества: фамильные побрякушки, деньги, молоденького адъютанта и содержимое секретного ларца из кабинета. И это послужило причиной того, что Умник не стал обнимать бывшего друга при встрече, ведь он решил, что Честный подложил ему изрядную свинью. И верно, редко когда поговорки сбываются столь буквально.

– Что-то ваш Умник... перемудрил, – фыркнула Грэйн. – Неудачный брак – это печально, но при чем тут его друг?

– Не ищи логику там, где ее нет, – пожал плечами Фрэнген. – Умники обычно не любят, когда простакам везет больше. Честный оказался в выигрыше, а зависть к чужому счастью – чем не причина для неприязни?

– Дурацкая причина.

– Да уж какая есть. Впрочем, мстить бывшему товарищу он не собирался – согласись, это было бы невместно. Тем более их связывали теперь служебные дела. Снова. Наш Умник к тому времени вскарабкался уже довольно высоко по парадной лестнице в Генштаб, а Честный командовал прекрасным фрегатом...

– «Верность Морайг», – хрипло пробормотала Грэйн, опустив голову. И это не было вопросом.

– «Верность Морайг», – кивнул комендант. – Выпей, Грэйн. Тебе это не мешает.

– Но и не поможет.

– Просто слушайся командира, – он фыркнул. – И не обольщайся – я ему не сочувствую, этому Честному Простаку.

– Однако вы не зовете его предателем.

– Потому что он предателем не был, – жестко ответил Фрэнген. – Но он наверняка был глупцом, а это гораздо хуже в некоторых ситуациях. Например, в той, в какую попала потрепанная бурей «Верность», возвращаясь из рейда.

– Их застигло штормом! – вскинулась девушка. – Они укрылись в Барсайском заливе, и это не было глупостью!

– Это – не было, зато глупостью было соваться к берегам острова Тэлэйт, рискуя нарваться на эскадру имперцев. Они и нарвались. А еще большей глупостью было пытаться уйти проливом Беруин, когда твой штурман лежит в бреду, а лощи вместе с рубкой разнесло прямым попаданием... Каким бы отличным командиром ни был Честный Простак, он ничего не мог сделать. Уйти не удалось, оставалось только принять бой с заведомо сильнеешим противником – и погибнуть или...

– Или сдаться, – Грэйн вжала голову в плечи, зажмурилась и обхватила себя руками, не заботясь более о том, как жалко это выглядит. Рэйберт эрн-Фрэнген умел бить больно, а главное – он знал, куда ударить. – И он сдался.

– И сохранил этим без малого три сотни жизней, кстати, – комендант непонятно хмыкнул. – Не слишком героический поступок... но тем не менее это был поступок. Я бы на его месте застрелился. А ты?

– Вы... – она задохнулась. – Вы не смеее спрашивать! А я – не смею отвечать.

– Почему? – невинно улыбнулся майор. – Ведь все это случилось давно и не с тобой, Грэйн. Но, может быть, ты знаешь, почему наш Честный капитан все-таки не застрелился?

– Он... у него была семья. Он не мог.

– Именно так все и решили, – Фрэнген кивнул. – Между тем для его семьи было бы гораздо лучше, если б капитан лишил себя жизни, но сохранил честь. Свою и семьи. Скажи, что я не прав.

Девушка молчала.

– Он не пустил себе пулю в лоб вовсе не из любви к жене и прелестным малюткам. У него был приказ, и наш Честный капитан-простак не посмел его нарушить. Даже во имя собственной чести.

– Приказ? – Грэйнд вытаращила глаза. – Какой приказ?

– Ну, разумеется, тайный, – комендант усмехнулся. – Какой же еще? Такой тайный, что даже его командиры о том не знали. Тайный настолько, что и перед трибуналом он не обмолвился ни словом, хотя это могло бы его спасти. Но долг перед родиной оказался важнее, а кроме того, Честный не мог предать друга. Хотя друг с легкостью им пожертвовал. Должно быть, Умник решил не рисковать карьерой. Не слишком достойно, но очень умно. Впрочем, Мэрид всегда отличался завидной способностью поступать правильно в спорных ситуациях...

– Тайный приказ... – подозрительно прищурилась она. – Откуда же вам известно о его существовании?

– Ах, милая моя! – лицемерно вздохнул эрн Фрэнген. – Поверьте, разведка – это такая собачья работа... Если хочешь выжить, нужно научиться знать больше, чем тебе положено, – и молчать об этом. Мэрид думал, что об истинной причине визита «Верности Морайг» к берегам Империи знали только двое, он и капитан Кэдвен, а на самом деле нас было трое... таких осведомленных.

– И вы, конечно же, промолчали, – Грэйнд презрительно скривила губы.

– Это ничего, что я тогда только-только получил капитана и очень хотел не просто остаться в живых, но и сохранить свой чин? – он насмешливо повел бровью. – Выживают те, кто знает свое место, и тебе это известно лучше других. Уже тогда не мне было тягаться с Конри. Он друга не пощадил, а такого щенка, как я, попросту раздавил бы и не заметил. Тем более что Кэдвен предпочел молчать. Потому прикусил язык и я, а при первом же удобном случае с облегчением расстался с лордом Конри. Чин я сохранил и шкуру тоже и, поверь, ничуть о том не жалею.

– Зачем вы все это мне рассказали? – помолчав, спросила девушка.

– Затем, что твой отец не был предателем, но был идиотом! – Фрэнген неожиданно рявкнул это ей прямо в лицо, склонившись так близко, что Грэйнд ощутила на губах его дыхание. – А ты – достойная его дочь, такая же восторженная дура! Ты пошла в армию, чтоб вернуть ему честь, но – проклятье! – он мертв и давно уже доложил Оддэйну в его Чертогах о своей глупости! Он сгинул ни за что, и теперь ты собираешься сделать то же! Думаешь, он сильно радуется, глядя на твои самоубийственные ужимки?!

– Он отдал жизнь за родину и Князя! – Грэйнд вскипела и с размаху грохнула стаканом об стол, расплескав вино. – Он...

Она уже готова была разразиться гневной и пламенной речью, чтоб раз и навсегда объяснить этому карьеристу и трусу, в чем разница между ними, но Фрэнген ее опередил. Одним резким движением комендант схватил ее за плечи так, что смял пальцами бронзовые стрелы на новеньких погонах, и практически вытряхнул девушку из кресла. Грэйнд испуганно дернулась, дрыгнула ногой, пытаясь вывернуться и отскочить, но он был сильнее, и девушка сдалась, обмякла, с ужасом ожидая, что же он сделает дальше.

Ей показалось, что комендант бесконечно долго сверлит ее тяжелым гневным взглядом, словно ищет что-то, ведомое лишь ему. Грэйнд не поняла было, что он искал, но, верно, не нашел, потому что в зеленых волчьих глазах промелькнуло разочарование, и Фрэнген брезгливо отпустил ее, толкнув обратно в кресло.

– Твой отец купился на знаменитое обаяние Конри, – сухо сказал он, отворачиваясь и на шаривая на столе свою погасшую трубку. – Мэрид использовал его и выбросил, а когда тот стал опасен – фактически убил чужими руками. Теперь ты попала на ту же приманку, Грэйнд эрна Кэдвен, и с тобой он проделает то же, с той лишь разницей, что ты – женщина, а уязвить

женщину можно более изощренными способами. Ты и сама не заметишь, как отдашь за него сперва честь, а потом и жизнь. Что ж, значит, туда тебе и дорога. Ты никогда мне не нравилась.

– Если так, – осторожно поинтересовалась Грэйн, – то почему же вы меня предупредили?

– Потому, – все еще не оборачиваясь, молвил комендант, – что, может быть, я надеялся, что знаю тебя лучше, и вдруг ты окажешься умнее своего отца... Забудь. Я ошибся.

– Но, возможно... – еще более осторожно продолжила она, удивляясь сама себе, – возможно, что вы не так уж сильно ошиблись.

– Хм, – отозвался Фрэнген, занятый своей трубкой.

– Вы были правы, я пошла в армию из-за отца. – Она не знала, с чего вдруг решила стать откровенной, выложить то, что не рассказывала прежде никому. Не оттого же, что откровенным был он? – Но все-таки не только из-за него. Вы сами сказали, что мне должно быть известно мое место. Мне известно. Я слишком хорошо его помню. Мое место – в доме моего отца, на его земле. В моем Кэдвене! Я... – Грэйн осеклась, задохнувшись откровениями. Даже затылок коменданта, даже серебристо-русый его «хвост», аккуратно перехваченный уставной черной лентой, излучали сарказм.

– Вот именно поэтому Конри и выбрал тебя, – вопреки ее опасениям, эрн-Фрэнген не улыбался, посмотрев на нее через плечо с неясной грустью во взоре. – Мне неизвестно, для чего ты ему понадобилась, но понятно, отчего понадобилась именно ты. Тобою легко управлять, Грэйн. Если не попадешься на верности Священному Княжеству – хотя попадешься, это же у вас семейное! – то клюнешь на улыбочки Мэрида, а если и перед ним устоишь, то уж на возвращение имения он тебя точно поймает. Ты ведь ради своего Кэдвена наизнанку вывернешься, верно?

– Там зрели лучшие яблоки на Островах, – просто ответила Грэйн.

– О да, – серьезно кивнул он. – Но самые чистые родники бьют в изумрудных холмах моего Фрэнгена. Наша земля стоит того, чтоб за нее драться, чтоб за нее умирать. Будь осторожна с Конри, Грэйн. Не продешеви. Мне бы хотелось... Впрочем, неважно.

Девушка осторожно поднялась, странно смущенная его тоном. Воистину, этой ночью их обоих словно подменили, во всяком случае, комендант точно был на себя не похож.

– Вы рисковали многим, рассказав мне... – начала она.

– Забудь, – отмахнулся владетель Фрэнгена.

– И все-таки, – Грэйн понимала, что не стоит ей настаивать на объяснениях, но удержаться не смогла, – все-таки почему?

– Ну, хватит. – Комендант стряхнул с себя дружелюбие, как вылезший из озера волк – воду с шерсти. – Я обещал тебе три подарка на прощание, девушка. Это был первый, тот, который хороший. Теперь плохой. Я не стану тебя останавливать, хотя мог бы. Вот твои бумаги, держи, – он быстро подмахнул резким угловатым росчерком ее подорожную и хлопнул сверху печать. Сгреб бумаги со стола и практически всунул их ей в руки, словно они жгли ему ладонь.

– Но... – девушка все еще не понимала. – Ведь вам же не хочется, чтоб я...

– Лучше бы тебе не знать, Грэйн эрна Кэдвен, чего именно мне сейчас хочется, – оскалился Фрэнген, и она прикусила язык. – А впрочем... раз уж ты так настаиваешь...

Грэйн побледнела, отшатнулась и пятилась, пока не уперлась бедрами в край стола. Все шарфы и сабли мигом вылетели у нее из головы, равно как и мысли о возможном сопротивлении; она всего и смогла, как только выставить перед собой руку с зажатым в ней свитком, словно гербовая бумага могла защитить ее.

– Ты – забавное создание, Грэйн эрн-Кэдвен, – комендант подошел к ней спокойно и как-то буднично, небрежно, но крепко обхватил одной рукой, а другую запустил ей в волосы и больно потянул, заставляя запрокинуть голову. – Отслужить три пятилетия и все еще сохранять какие-то иллюзии...

Оцепенев под его взглядом, она не могла не то что вскрикнуть, но даже и просто вздохнуть, только чувствовала, как позорно дрожат у нее губы.

– Наверное, мне и впрямь стоило бы тебя отрезвить, – задумчивый тон Фрэнгена никак не вязался с его, прямо скажем, неуставными действиями. – Заодно и немного повеселиться напоследок. А? Как думаешь?

– Я же... – выдавила Грэйи. – Я же вам не нравлюсь...

– Ну, в подобной ситуации это уже не так важно, – он неопределенно хмыкнул. – Тем более что ты же не только не станешь брыкаться, но даже и не пикнешь, верно? Терпеливая молчунья Грэйи. Ты покорно сносила все, что только может придумать армия для такой, как ты, и не сорвалась ни разу. Все ради великой цели, не так ли? Стало быть, снесешь и это. Рассудок не позволит тебе взбрыкнуть, а гордость – заскулить, так что ты стиснешь зубы и покорно раздвинешь ноги. Ну? – И дернул ее за волосы, окончательно растрепав короткую косу. – Все так и будет?!

Она и впрямь стиснула зубы так, что еще чуть-чуть, и раскрошились бы, и зажмурилась, пытаясь отвернуть голову, но цепкие пальцы больно впивались в растрепанную косу и не давали пошевелиться.

– Смотреть на меня! – рявкнул комендант. – Что, даже и теперь не возмутишься?! Не припугнешь меня своей новенькой саблей, ты, жертвенная телка?! Тебе не мундир, тебе белое платье⁵ надевать в пору! У любой портовой девки больше чести, чем у тебя! Я окажу тебе очень плохую услугу напоследок, дочь торговли. Я тебя *не* обещаю. Хочешь знать почему? Потому что нельзя лишить чести того, у кого ее и так нет! И не было никогда! – Он намеренно грубо оттолкнул ее и брезгливо вытер ладонь о штанину. – Не обольщайся, Конри тоже на тебя не польстит. Зато он наверняка подложит тебя под кого-нибудь очень нужного, а после, если ты хорошо ему послужишь, прикроет твой срам, да хоть бы и генеральскими эполетами! Так что свои три медянки⁶ ты всегда будешь иметь, ведь шлюха никогда не останется без работы, особенно если она напялила мундир! А теперь пошла вон, девка. Через час в форт Бриннан выходит обоз, можешь добраться с ним до первой же почтовой станции. И чтоб духу твоего здесь не было к третьей страже!

Грэйи коротко и шумно вздохнула, почти всхлипнула, но не произнесла ни слова. Старательно глядя куда-то в стену, она почти на ощупь выбралась из кабинета, но не споткнулась ни разу и дверь за собой притворила аккуратно и тихо. Так же слепо она прошла несколько шагов по пустынному в этот час коридору и, лишь когда завернула за угол, откуда уже не могла видеть дверь кабинета Фрэнгена, позволила себе на пару мгновений прислониться к стене и перевести дух. Постояла так, прикрыв глаза и выравнивая дыхание, а потом выпрямилась, поправила свой сбившийся набок шарф и перевязь и спокойно, хоть и быстро, зашагала в женскую казарму. До отхода обоза ей еще надо было успеть собраться в дорогу.

Задняя ось почтовой кареты треснула почти на середине старого, еще имперских времен, каменного моста через Брейи. Ничто, как водится, не предвещало поломки: путешествие длилось уже третий день, и Грэйи приспособилась дремать, привалившись плечом к жесткой войлочной обивке салона. Место ей досталось у самой дверцы, и неторопливо проплывавшие мимо унылые пейзажи холмистого Бринниси неплохо убаюкивали, а постукивающие по крыше капли навевали томительные и долгие сны, полные дождя и тумана. В карете дуло изо всех щелей, но девушка уютно куталась в благословенное тепло шинели и плыла, покачиваясь, в этом чуть пахнущем псиной колючем коконе, позволив себе попросту ни о чем не думать, не сожалеть и не мечтать. И – о да! – и не вспоминать тоже. Надо сказать, что Грэйи это удавалось.

⁵ *Белое платье* – на Островах платья белого цвета носят проститутки, как отличительный знак своего занятия.

⁶ *Медянка* – просторечное название арса, самой мелкой островной монеты.

За три пятилетия, проведенные среди сырого кирпича, влажного гранита и вечных туманов Логтэнси, любой привыкнет отстраняться от внешнего мира и засыпать, едва лишь представится возможность. А что до неизбежного дорожного зла – бесконечной болтовни попутчиков, так после однообразных будней в форте Логан она не только не раздражала, но даже и развлекала бы Грэйна, если бы та решила вдруг прислушаться.

Ко многим неоспоримым достоинствам офицерского мундира, пусть даже и вспомогательных войск, следует прибавить еще то, что подобный наряд имеет счастливое свойство ограждать свою обладательницу от нежелательного общения. Без малого триста лет прошло с тех пор, как Вилдайр Эмрис, владыка Архипелага, прикинув соотношение сил – своих и брата-соперника, правителя континентальной Империи, рассудил, что не слишком ли много здоровых и крепких мужчин протирают штаны на должностях, не требующих ни сил, ни особенной отваги? Всех этих интендантов, писарей, возчиков и ключников вполне способны были заменить храбрые и верные дочери Ролэнси, и они заменили. И это несмотря на то, что весь цивилизованный мир дружно ужаснулся и трижды сплюнул в сторону «вояк в юбках». Да что говорить о врагах и якобы союзниках, когда даже собственные подданные Вилдайра Эмриса восприняли его указ, скажем так, неоднозначно. Но если уж Хозяин Островов приказывал, спорить не смел никто.

Честно говоря, Грэйна искренне восхищалась собственным князем. Давно сгинул в хаосе династических игр его вероломный брат, загнивала и постепенно распадалась некогда хищная и неустрашимая империя *Первых*, а Волк Архипелага живет, здравствует и все так же прочно держит власть в Ролэнси. И кажется, что Вилдайру Эмрису все нипочем, с такой легкостью и невозмутимостью разрешает он извечные властные противоречия. Архипелаг прекрасен, но уязвим. Слишком мало земли, пригодной для возделывания, слишком много скал, болот и бесплодных пустошей. И слишком много эрнов-землевладельцев. А между тем дробить владения нельзя – тогда эрны, опора престола и костяк армии, обнищают и вырождаются. Не дробить – тоже нельзя, ведь это значит плодить *безземельных* из младших сыновей гордых владетелей трех священных эйров камней и болот. Что же делать? И Вилдайр находит выход изящный и простой. Армия. Не хочешь терять статус землевладельца, младший сын? Добро пожаловать под знамена Бегущего Волка. Отдай три пятилетия короне, и можешь всерьез рассчитывать на свои собственные три эйра. Жаждешь свободы и материальной независимости, девица? Подари княжеству Ролэнси троих сыновей – и можешь смело требовать развода и содержания у нелюбимого мужа. Слишком долго ждать? Тогда ступай в армию, и после пятнадцати лет во вспомогательных войсках тебя ждет почетная отставка в чине прапорщика, немалое «государственное приданое», ежегодная пенсия и свобода самой распоряжаться собственностью. Или даже получить образование наравне с мужчинами. Справедливости ради стоит заметить, что женщины Ролэнси к свободе и равенству особенно не стремились, и поистине до пределов отчаяния должна была дойти девица, чтоб завербоваться в армию. Право же, существовали гораздо менее скандальные способы добыть желаемое. Отставная «воительница», невзирая на все княжеские поощрения и привилегии, в плане брака могла рассчитывать разве что на вдовца или безденежного и *безземельного* пройдоху, купившегося на «волчье приданое». Конечно, за три сотни лет единодушное осуждение в адрес таких женщин несколько поутихло, перейдя из открытого презрения в стадию молчаливого неодобрения, но все же, все же...

Что касается барышни ир-Марен, то выбора у нее не было. Альтернативой мундиру было разве что белое платье шлюхи, но до такого дочь осужденного, но все-таки офицера опуститься не могла.

«А если очень повезет – прощение семейных грехов... – хмуро вспомнила Грэйна собственные девичьи мечты, созерцая унылые холмы Бринниси сквозь запотевшее стекло дверцы. – Глупо было надеяться на это, но я и не надеюсь. Я просто знаю. И Фрэнген это подтвердил».

Она угрюмо поджала губы, в очередной раз запрещая себе вспоминать коменданта: то, что он сказал ей и что сделал... и что *не сделал*. Хвала Огненной Локке, сей мерзкий тип остался там, позади. Пусть себе прорастает поганками в кольце холодных стен форта Логан и захлебывается собственным ядом. Она терпела его бесконечно долго, но все-таки выдержала. Она преодолела все и свободна отныне, и бессильная злоба бывшего командира больше не в силах ее задеть. Насколько же Фрэнген должен был ненавидеть Конри, чтоб выболтать ей такие опасные секреты!

Говоря по чести, Грэйи отнюдь не была шокирована откровениями коменданта касательно личности и методов лорда-секретаря. Для девушки, в столь юном возрасте лишившейся не только статуса в строгом иерархическом обществе Вторых, но и отцовского имени, не говоря уж о земле, заподозрить лорда Конри в излишнем благородстве и неуместной чистоплотности было по меньшей мере наивно. А от наивности Грэйи избавилась вместе с чистеньким форменным платицем воспитанницы пансиона для благородных дев. Дочь предателя вышвырнули оттуда, словно бракованного щенка из помета – за шкуру и в канаву. И точно так же, без лишних церемоний, выкинули из поместья Кэдвен вдову предателя вместе с младшей его дочерью. Милосердные законы Ролэнси не перекладывали вину мужа и отца на жену и детей, однако, поскольку капитан Кэдвен был лишен дворянской чести, то и *безземельная* его супруга лишилась прав на владение поместьем. Также и дочери перестали именоваться «эрни», а потому не могли больше ни получить достойное лишь дворянок воспитание, ни рассчитывать на хороших женихов...

Грэйи тихонько скрипнула зубами, досадуя на себя за эти неуместные воспоминания. Все не было бы столь ужасно, все оказалось бы просто *плохо*, но отнюдь не губительно для домоладцев Сэйварда эрн-Кэдвена, если б от его вдовы и потомства не отказалось и семейство ир-Марен. Но, разумеется, безропотно продавшие свою дочь незнакомцу *безземельные* не выказали мужества и теперь, так же безропотно от нее отвернувшись. Тяжелая прочная дверь родительского дома наглухо захлопнулась прямо перед носом Элейн ир-Марен, оставив капитанскую вдову на пороге под мелким унылым дождем утирать слезы вцепившейся ей в юбку младшей дочке. Угрюмая старшая, двенадцатилетняя Грэйи, с которой еще не успел сойти лоск дворянского пансиона, стояла тогда чуть поодаль, мрачно радуясь, что ей хватило гордости даже и не подниматься на крыльцо.

Проклятые дорожные мысли, порожденные вынужденным бездельем! Увы, порой от них невозможно избавиться, как бы ты ни старалась...

Особенно когда невинная болтовня попутчиков постоянно напоминает о том, что так хотелось бы забыть! Даже хладнокровная и невозмутимая Грэйи, выдрессированная годами службы в унылой Логтэнси, где вспыльчивые и впечатлительные просто не выживают, нет-нет да и ловила себя на том, что ей все сложнее вежливо улыбаться в ответ на очередную глупость, звучащую в душной тесноте почтовой кареты. А учитывая состав пассажиров, глупости звучали постоянно. Хвала Локке, что среди ролфи не слишком-то принято навязываться собеседнику, иначе выдержка вкупе с вежливостью могли бы изменить Грэйи, и она сорвалась бы на резкость. Эти ее попутчики... один Оддэйн ведает, за кого ее принимают. Самыми приятными казались покамест двое последних, подсевших уже в Бринниси, – семейная пара эрн-Дэрген. Гордые владельцы трех священных эйров вполне предсказуемо поморщились, услышав плебейские имена остальных, и всю дорогу помалкивали, даже между собой общаясь редко и односложно. Этому обстоятельству Грэйи была только рада. При таком соседстве и назойливый господин-с-газетой – торговый агент пеньковой империи ир-Брайэнов, и болтливая въедливая особа в шляпке – инспекторша женских училищ третьего класса – несколько поумерили свой пыл и уже не так активно предавались дорожным беседам.

Другое дело, что теперь ничто внешнее уже не мешало бы Грэйи вспоминать и грезить о будущем, поневоле рисуя его неясные контуры в туманных холмах и долах Бринниси.

Никто, глядя в прозрачные светлые глаза Грэйи, всегда спокойные, всегда равнодушные, не заподозрил бы в ней неуместного для истинной *Второй* волнения. Каждый из рожденных от Второй крови, крови холодной, словно серые волны залива Мэрддин, с младенчества знает, какое место уготовано ему в строгой и нерушимой иерархии. Изменить это уроченное положение возможно было лишь через службу, и, только отдав пятнадцать лет жизни служению Локке, *безземельная* Грэйи могла надеяться заполучить перед своим именем приставку «эрна». Земля, бесценная каменистая земля Ролэнси! Ничто не могло быть слишком дорогой ценой для этой награды – собственное наследственное владение, верность и честь, воплощенная в заветных трех эйрах пустошей и трясин. Скоро, уже совсем скоро все исполнится, как мечталось. Срок прошел, и каких бы теперь услуг ни потребовала от Грэйи ир-Марен корона в лице лорда Конри, дочь опального капитана приложит все силы, чтоб награда ее не обошла. Видит Локка, как сложно безвестной девице с такой родословной, как у Грэйи, добиться чего-либо от власть имущих, однако Локка знает также, что упрямства бывшей эрни Кэдвен не занимать.

Она дремала, когда сломалась ось экипажа, а потому спросонья больно ударилась виском о дверцу. Но выросшие в плоть за годы службы инстинкты не подвели – девушка успела упереться ногой в подножку и не только не выпала сама, но еще и умудрилась удержать от падения завалившуюся на нее соседку. Грэйи поморщилась. Для почтенной ролфи инспекторша оказалась непозволительно костлява. Кровь Локки, локоть этой дамы вонзился Грэйи под дых не хуже штыка!

– Бл-лагодарю вас... – сдавленно пропыхтела инспекторша, потирая ушибленный о рукоять сабли Грэйи бок. Ир-Марен неопределенно хмыкнула, поправила распахнувшуюся юбку и выглянула наружу.

– Что там случилось, офицер? – немедленно воззвал к ней сосед напротив, тот самый торговый агент, всю дорогу пытавшийся развлекать попутчиц чтением вслух газет трехдневной давности.

Грэйи поморщилась снова. Как это предсказуемо, как привычно – на протяжении трех дней демонстративно игнорировать женщину столь недостойной, с точки зрения обывателя, профессии, отпускать шепотом скабрзные замечания и откровенно пялиться на обтянутые форменными бриджами ноги, иногда мелькавшие в разрезе юбки, но стоит лишь какой-то неприятной мелочи нарушить уютное самодовольство – и вот пожалуйста. Теперь мы вызываем к помощи Короны и армии, пусть даже и в лице самой ничтожной ее представительницы. И именно от нее теперь ждут подвига, пусть даже малого – вылезти из накренившейся кареты под дождь и немедленно все исправить!

Девушка быстро огляделась, зацепившись взглядом за сорвавшийся с империала и расколовшийся от падения сундук, увязший в луже. Моросивший все эти дни дождь вдруг усилился, словно желая усугубить и без того несладкую участь путешественников.

– Полонка не выглядит серьезной, – Грэйи надеялась, что голос ее прозвучал с должной бодростью и достаточно браво. – Я посмотрю.

И выпрыгнула наружу, подняв целый фонтан брызг подкованными каблуками сапог. Сквозь запотевшее стекло бледные лица попутчиков казались зыбкими, словно у призраков.

– Что там? – подняв воротник шинели, ир-Марен прошлепала по лужам к суетящимся возчикам.

– Треснула ось, госпожа, – буркнул помощник кучера. – Я сожалею.

«Я тоже», – подумала она и посмотрела вниз, в бурные мутные воды Брейи, шумящие меж быков моста.

– Это надолго?

– Да разве сразу поймешь, сударыня, – возчик отмахнулся. – Вот выпряжем, тогда и... Ах ты, волчья сыть! Стой, стервь!

Грэйн благоразумно отступила на пару шагов от беспокойной упряжки. Право же, не стоило сейчас отвлекать возчиков. Кони в любой момент могут взбрыкнуть – или что там может взбрести в головы этим непонятным тварям? – и утащить в ледяные воды Брейн карету вместе с пассажирами.

– Что посоветуете? – спросила она.

– В лайге⁷ отсюда есть трактир. Если господам будет угодно проследовать туда... – кучер, не договорив, махнул рукой в сторону дороги и вновь взялся за постромки, через слово поминная кровь Локки и юбки Глэнны. Грэйн, вздрагивая от пронизывающего сырого ветра, застегнула последний крючок на воротнике шинели и поглубже нахлобучила берет. Делать нечего, придется идти. Хвала Локке, весь ее багаж свободно умещается в тощем заплечном мешке... чего не скажешь о попутчиках. Инспекторша женских училищ уже умудрилась окунуть полы своего строгого форменного пальто в ближайшую лужу и наверняка промочила ноги, горестно причитая над перевернутым расколовшимся сундуком. Агент ир-Брайэнов угрюмо сопел, прикрывая шляпу промокнутой газетой. Из всех пассажиров сломанной кареты только владетельная пара Дэгрэн не поддавалась унынию и панике: тощий эрн деловито перекладывал багаж, набивая саквояж супруги вещами мелкими и ценными, сама же владетельница сражалась с так и норывившим улететь большим черным зонтом. Эти точно не пропадут. Грэйн фыркнула и, поправив лямки мешка, подвернула подол юбки, благословляя свои новенькие высокие сапоги. Она уже совсем было приготовилась идти, как вдруг споткнулась о два взгляда одновременно и неприязненных, и умоляющих. Инспекторша и агент умудрялись смотреть жалобно и завистливо. Грэйн выжидающе выгнула бровь в ответ.

– Офицер... – наконец выдавил торговец. – Вы не были бы столь любезны...

Девушка обреченно вздохнула.

– Да, конечно же. Постарайтесь ступать след в след за мною, сударь... Позвольте вашу руку, сударыня, здесь скользко. Не тревожьтесь, я уверена, что наш багаж догонит нас в целости и сохранности, а мы тем временем обогреемся у камина и выпьем по кружке горячего черного эля. Самое верное средство от простуды, сударыня, вы уж поверьте моему боевому опыту...

Поддерживая спотыкающуюся на каждом шагу инспекторшу, Грэйн мрачно подумала о том, что у нее есть теперь еще целый день для того, чтоб как следует возненавидеть штатских. Впрочем, не стоит гневить Локку, а то как бы день не превратился в два...

⁷ Лайг сухопутный – измерительная величина, равная 2,250 км. Лайг морской – измерительная величина, равная 2,400 км.

Джойана Алэя Янамари

Дорогу вдоль Намы проложили так давно, что дух ее успел забыть о тех временах, когда это случилось. Столько ног прошло, столько колес проехалось, столько подков истерлось об эти камни, что подумать страшно. Вела она, должно быть, к древнему святилищу, посвященному реке, где предки леди Янамари обращались к водам и берегам, благодарили за весенние разливы, изобилие рыбы и плавное течение. И добрая река внимала чадам своим, свободному народу Змеиной Луны – Шиларджи. С тех пор много воды утекло, Нама множество раз меняла русло. И однажды она, словно хозяйка, отлучившаяся на базар за пучком зелени, вернулась и увидела вместо дома обгорелые развалины. Сгинули шуриа, и некому стало приносить бескровные жертвы доброй реке. Ролфи поклонялись своим жестоким богам и творили чуждую волшбу. А потом пришли диллайн...

Джона, осторожно подобрав юбки, чтобы не замочить и не испачкать подол, подошла к самой воде и положила прошлогоднее яблоко на плоский камень – бывший алтарь. Она всегда так делала, когда возвращалась в имение, и не надеялась на ответный знак. О чем тут можно говорить? Джойана всего лишь полукровка, высшей волею принявшая судьбу шуриа. Худший вариант из возможных – полная чаша Проклятия, приправленная всего лишь шепоткой древнего шаманства. Согреться можно, опьянеть и забыться – нет.

Вот и на этот раз памятливая и обидчивая Нама не показала струящегося лика. Ну и пусть.

– Мамочка, а кому это яблочко?

Идгард смотрел на подношение так жадно, будто в жизни своей яблок не ел.

– Выдре, – быстро нашлась Джона. – У меня еще есть. Хочешь?

В бархатном, вышитом бисером мешочке вместе с несколькими монетками, запасными перчатками и платком нашлось место и для подношения, и для угощения.

– Дай!

Прогулку под мелким морозящим дождем няньки единодушно осудили и честно попытались надеть на мальчика побольше одежек, дабы уберечь дитяtko от злых весенних ветров. Почти всю эту гору тряпок пришлось оставить в коляске. Зато теперь, убежавшись по холмам и ложбинам, Идгард нагулял здоровый аппетит. Ишь, как щечки покраснелись.

– А давай-ка мы пойдем обедать? А?

Сын кивнул и бросился бежать по направлению к дороге, выкрикивая что-то радостно-бессвязное. Счастливый совенок, который никогда не увидит духов реки Намы, не услышит ее тихого шепота из камышовых зарослей.

А яблоко так и осталось лежать на мокром, скользком камне. Будем надеяться, его все-таки съест выдра. Или ондатра. Зачем реке яблоко, правда?

Трава была мокрая после дождя, а юбка и пальто – слишком узкие, чтобы уберечь их подолы от противной влаги. В конце концов Джона не выдержала пытки ледяной нижней юбкой и продемонстрировала всему графству ноги до колен.

Кучер Паул уже пропустил пару глотков знаменитой янамарской бражки на меду, а потому не сдержался и присвистнул от удивления и разочарования. Оно и понятно, тощие «спички», затянутые в белый шелк чулок, в провинции не считались идеалом женской красоты. Костлявость и в столицах-то особо не ценилась. Но что поделаешь, если уродилась Джойана Алэя в мать и всех ее предков до двадцатого колена – и с какой стороны ни посмотри – шуриа: низкорослая, костлявая и нескладная, с оливковым оттенком кожи, жесткими черными волосами, из которых только толстые косы плести, похожие на сытых змей. Но самое главное – глаза, они того самого грязноватого отлива синего, какой бывает у детенышей хищников. Словно специально, чтобы любой человек узнавал в Джоне *Третью*. Как, скажем, крестьянки,

встреченные по дороге в поместье. Кланялись они так низко, что, казалось, еще чуть-чуть – и ниц падут. А с ярких пухлых губ тихонько сыпались в раскатанную колею бранные слова, щедро перемешанные с охранительными молитвами. Грязь к грязи, в общем-то. Джона привыкла, давным-давно смирилась и даже научилась извлекать выгоду из своего странного двойственного положения. Крестьянки... ну и крестьянки... дело их крестьянское такое – беречься странного и страшного, хранить, так сказать, устои. Эсмонды⁸ и не боятся, зная прекрасно, что Джойана со своими шаманскими полувидениями-полуснами против их колдовства как маленький Идгард против императорского драгуна, а все равно проклинаят.

– Чего это они? – удивленно шепнул Идгард, кивая на поспешно убегающих поселянок.

Женщины рысцой припустили по грязи, не разбирая дороги, лишь бы убраться подальше от сиятельной владетельницы, способной навести порчу одним своим присутствием.

– Глупые потому что.

«Может, действительно порчу навести? Хотя бы попробовать ради интереса», – подумала Джона, сдерживая зевоту.

Она немного замерзла и проголодалась ничуть не меньше сына. Сейчас они пообедают в семейном кругу, потом господин Харрик заберет Идгарда на урок, и можно будет спокойно подумать о наследстве Лердена Гарби. Ведь наверняка у него было что-то на эсмондов, не могло не быть. Иначе отчего бы тиву Хереварду так суетиться? Сколько за последние два года было заговоров? Четыре? Зачинщиков... пожурили и не более. Кого-то отправили в ссылку, кого-то – посланником к конфедератам. Эсмонды слишком сильны, они могут позволить себе милосердие. Исключительно суровое и традиционно злопамятное. Но Лердена казнили. И объяснение может быть только одно – его пухлый архивчик кое-кому грозил неприятностями.

Ехать, надо ехать на аукцион...

– Паул, поторопись.

Они как раз оказались возле колодца – грубой беседки из ошкуренных веток, с островерхой крышей, защищающей сруб от непогоды.

– Не желаете ли водицы испить, высокая госпожа? Чистенька-а-ай!

Сторож скорчил жалостливую рожу и протянул оловянную кружку.

И даже если бы от воды не тянуло тленом, Джона не приняла бы питья из его рук.

– Явишься к управляющему за расчетом. Сегодня же, – прошипела графиня.

– За что-о-о?

Эк он окривел-то с перепугу.

Джона покосилась на сидящего рядом сына: придется говорить иносказаниями там, где надобно не выбирая слов – на самом понятном языке.

– От твоей воды несет псиной. Дохлой псиной, сторож. Мы так не договаривались.

Дух собаки витал тут же. Вернее, он не витал, а прятался за срубом, виновато и просяще поглядывая на женщину ярко-синими глазами. Мол, не виноватый я, не сердчай, хозяйка.

Забавы ради утопил ведь. Изверг!

– Простите, высокая госпожа! Сам не знаю... Словно проклятые шурии попутали...

Присказка, которая Джоне всегда нравилась. Весьма, кстати, распространенная, но в ее присутствии она звучала презабавно. Удержаться от зловещей кривой улыбочки не получилось, хотя графиня Янамари не слишком и старалась спрятать истинные чувства:

– Ш-ш-шуриа, говориш-ш-шь?

Мужик не выдержал и бросился бежать вниз по дороге.

«Что стоишь? – спросила Джона у призрочной псины. – Гони его, пока не почувствуешь себя отомщенной. А потом... потом будь снова свободна».

⁸ Эсмонды – общее название диллайнских магов-священников, их сообщество называется Эсмонд-Круг.

Обрадованный дух ослепительно вспыхнул фиолетовым огнем и устремился вслед за своим убийцей. Чтобы снится ему ночами еще много-много лет, чтобы он слышал скулеж и вой в любом шуме. Должна же быть какая-то справедливость в отношении душегуба?

Идгард с нескрываемым любопытством наблюдал за беглецом, и по его круглой мордашке было видно, что мамой он гордится несказанно.

– Он провинился и ты его накажешь?

– Он сам себя накажет, милый, – мягко проворковала Джона.

Объяснять подробности пятилетнему ребенку, пожалуй, рановато. Идгард – мальчик впечатлительный, будет кошмары видеть во сне. Зачем его нежному сердцу лишний груз?

Впрочем, Паул тоже испугался, и не столько гнева хозяйского, сколько Джониной внезапной пронизательности и ее возможных последствий. И очень зря, потому что небольшие экскурсии прислуги в винный подвал графиня преступлением не считала. Сама она вино и пиво не жаловала, но чтобы сомнительное добро не пропадало даром, закрывала на мелкое воровство глаза. В основном в память о тех днях, когда слуги относились к девочке-шуриа гораздо добрее и снисходительнее, чем вся высокородная родня, вместе взятая. Паул, скажем, позволял Джоне прятаться в каретном сарае и ни разу не выдал братьям. До переломного во всех смыслах сентября младшую Алэя никто не замечал, а после – все вдруг стали слишком пристрастны. Мать утешала: «Это кровь говорит в них, старая память». Надо полагать, только тысячелетняя ненависть ролфи к шуриа заставляла сводных братьев и сестер поджигать Джоне волосы, бить и щипать, ломать ее игрушки. Хотя Элишва была права. Никто ничего не забывает. И ролфи помнят, как шуриа обманом захватили Удэйна эрн-Кармэла, их великого эрна, их вождя и вдохновителя, и убили, нарушив тем самым все законы войны. Да не просто убили, а позорно повесили. Шуриа надеялись обезглавить захватчиков, но просчитались. А бешеные ролфи воззвали к своим богам, к Отцу Дружин и дочерям его, моля о страшной мести вероломным недругам. И у них получилось. У них всегда удастся месть. Что-то другое – так нет, а месть почти всегда.

– А и правда ваша, госпожа, в канаве-то дохлая собака валяется. Вот ведь прохвост! – сокрушался Паул. – Теперь придется платить тиву Удазу за очищение колодца.

Услуги магии эсмондов были недешевы.

– Сторож заплатит, – буркнула Джона. – Поехали уже! Закрой калитку в беседке, и поехали!

Она замерзла и злилась. На сторожа-живодера, на усиливающийся дождь, на без умолку болтающего с кучером сына, на суеверных крестьянок, на весь этот мир и даже на призрак убиенной собаки. Все не кстати, все не вовремя, все по-глупому... Начиная от неудавшегося заговора и заканчивая последним приступом вселенской справедливости.

«Можешь теперь радоваться, сиятельная, порок наказан, а жестокость отомщена. Победительница колодезных сторожей!»

Обедали почти в официальной обстановке: графиня не только переоделась к трапезе, но и обновила драгоценности, старший сын – чопорный до ледяного хруста, в белом галстуке, младший – глазастое невинное чудо в начищенных до блеска башмачках. Прекрасная леди и два ее верных оруженосца. Вместо доспехов – накрахмаленные салфетки, вместо мечей – серебряные вилки, вместо врагов... На этом аллегии у Джоны кончились. Вот чего у леди Янамари вдосталь, так это врагов. На любой вкус – начиная с благородно-мудрых эсмондов, заканчивая великим повелителем Империи Синтаф – Атэлмаром Восьмым (он же – Святой Идвиг, что на языке одержимых диллайн одновременно: благосостояние, богатство, процветание и война). Причем чувства взаимны настолько, насколько это вообще возможно.

Оливка на вилке – черная и блестящая. Ам! И нет ее.

Люди живут, пока живы, а шуриа живут, пока чувствуют нить жизни в своих ладонях. Пока пульсирует на самом остром острие напряженный нерв, пока чувства обнажены до предела. И Ненависть в этой игре такой же равноправный игрок, как Радость и Любовь. Пока от чужого, мельком брошенного взгляда каждая волосинка на коже будет вставать дыбом, до тех пор ночь не посмеет запустить когти в душу *Третьей*.

Пирожки-«уточки» с кусочком мяса внутри – они просто тают во рту. Надо запретить Сирис их печь, иначе с талией придется попрощаться навсегда. Хотя... еда тоже радость и тоже в каком-то смысле любовь. Может быть, поэтому шуриа не бывают толстыми? Едоки хоть куда, а все равно костлявые.

Столовые приборы в худых тонких руках не танцуют – они порхают бабочками. За десять лет при дворе Его Императорского Величества можно научиться почти всему – пить не пьянея, вкушать экзотические яства с видом усталым и презрительным и не вспоминать о правилах этикета, которые въедаются прямиком в костный мозг. И тогда освобождается место и время, чтобы быстро-быстро думать. Порой это умение спасает жизнь.

«Саннива – очень опасное место, а дворец императора – капкан, из которого сбежать можно, только отгрызая самому себе лапу», – любил повторять Бранд. На случай, если юная супруга забудет и попытается продемонстрировать привычки и манеры грубоватой янамарской выделки. Девичья память, наивность и непосредственность плохо совмещались с активной светской жизнью, которую они стали вести вместе с Брандом Никэйном, и если бы не он... Что скрывать, Саннива сожрала бы молоденькую дурочку с костями и потрохами.

Одиннадцать лет... Бранд... Как так получилось, что обречена на Внезапную Смерть только Джона, но умерли все, кто ее окружал, кто любит и ненавидел? Она – проклятая бабочка-однодневка – пережила всех: родителей, сводных братьев и сестер, мужа. Удивительная случайность или неумолимая предопределенность?

Накануне свадьбы она – государственная невеста – рыдала в десять ручьев. Лорд Джафит не знал, что придумать, дабы заткнуть этот девичий слезопад. «Ты хочешь, чтобы Его Императорское Величество узрел твой распухший красный нос и узкие заплывшие глаза? Ты хочешь опозорить меня перед всем двором? – верещал он и топал ногами. – Ты сама выбрала лорда Никэйна, забыла?!»

Да – сама, да – выбрала. Ткнула пальцем в темноволосого темноглазого мужчину со впалыми щеками и длинным носом, безучастно стоящего возле окна, и буркнула: «За этого пойду!» Назначенный императором сват – лорд Джафит – удивился так, что у него едва глаза на лоб не вылезли. Бедолагу вообще удар бы хватил, узнай он, что янамарская невеста сосредоточенно размышляла всю ночь и почти все утро, прежде чем остановиться на кандидатуре Бранда Никэйна. Он подходил идеально, его условия оказались самыми лояльными, о нем говорили – разумный человек. Что еще нужно? И, самое приятное, он был только на одну восьмую ролфи. Не повезло графу с одним из прадедушек.

И все равно Джоне было страшно. Все эти чудовищно неудобные, тяжелые наряды, пылающие яростью взгляды эсмондов, вынужденных сочетать шуриа в храме бога, отвернувшегося от *Третьих*, навязчивый шепоток, проникающий сквозь множество покровов, под которыми традиционно прячется невеста, заставляли ее дрожать.

– Выгода очевидна, моя леди. Граф Никэйн – из клана Дхел Верд, а значит, императорский родич. *Третья* все равно умрет, а земли в итоге достанутся короне и клану. Либо напрямую, либо через наследника.

– Если она успеет родить...

Но Джона точно знала, что успеет. Вот теперь, драгоценные мои, она успеет.

Тив Херевард прошелестел слова обручальной молитвы на совершенно непонятном большинству присутствующих на церемонии архаичном языке диллайн, похожем на злобный птичий клекот.

А рука у Бранда оказалась на удивление крепкой, когда он сжал влажную и холодную ладошку невесты.

– Ты любишь сорбет?

Девушка тихонько фыркнула:

– Кто ж его не любит?

– Я заказал для тебя клубничный.

На свадебном пиру жених и невеста едят мало, поэтому холодный и приторно-сладкий напиток пришелся как нельзя кстати. Он тек по подбородку и рукам, прокладывая весьма заманчивые маршруты для губ. Новобрачный развлекал Джону пикантными историями из придворной жизни, она уморительно пунцовела от смущения и хохота. Сорбет, смешные байки, поцелуи, никаких лишних вопросов – вот как-то так. На этом они и поладили...

– Мама, ты уже десять минут смотришь на оливку.

– А?! Прости, дорогой, я задумалась.

– Над тем, что написал лорд Джафит?

Очень скоро Рамман станет полновластным хозяином Янамари, ему нужно учиться не только управлять своими землями, но и разбираться в высоких интригах. Но у него больше нет Бранда Никэйна, который мог на пальцах объяснить самые сложные и скрытые механизмы власти, посоветовать, где нужно проявить напор, а где смиренно обождать своей очереди. Поэтому Джона не таила от сына никаких своих дел, кроме некоторых, особо неудобных, и смело давала знакомиться с перепиской. Лишнего мальчик не поймет, зато будет в курсе столичных интриг. К тому же у лорда Джафита прекрасный стиль изложения. Это вам не каракули управляющего! Читай и получай удовольствие от каждого слова. А заодно учись, учись, детка, как нужно излагать мысли.

– Все и впрямь так плохо, как он пишет? Тебя ждет опала?

– Я так не думаю, – улыбнулась одними глазами Джона. – Орик... э... лорд Джафит всегда немного преувеличивает.

– Или преуменьшает, – процедил Рамман сквозь зубы. – В тебе проснулась материнская заботливость и желание оградить дитя от неприятностей? Не поздно ли? Сначала отправляешь меня к Аластару Эску, а потом...

Ах, как же он сейчас похож на своего отца! Тот же не терпящий возражения тон, ловчий взгляд из-под тяжелых надбровий. Через несколько лет мало кто осмелится солгать Рамману Никэйну, графу Янамари, не рискуя при этом здоровьем и жизнью.

Джона раздраженно швырнула салфетку на паркет, изображая недовольство.

– Тебе не надо знать больше, чем ты уже знаешь, сын мой. Это небезопасно, и это неразумно.

«И некому объяснить, что наследник Янамари не может позволить себе лезть в неудачный разговор, главный вдохновитель которого казнен совсем недавно».

Шесть лет назад Джона чуть было не поддалась соблазну *удержать* Бранда, оставить его рядом в виде призрака, в виде легкого духа. Сейчас бы он сидел на подоконнике, лицом к своей семье, спиной к окну, широко расставив локти и засунув ладони в карманы штанов, совсем как раньше.

«Дурацкая идея, Джой. Ты бы со мной никогда так не поступила».

Если настойчиво думать о мертвом, то он услышит. В последние дни Джона слишком часто вспоминала покойного мужа, чтобы это прошло безнаказанно и для него, и для нее.

– Чистая салфетка, миледи.

Бейл с видом мученика за веру подал на серебряном подносе причудливо сложенный лоскут льна.

«*Эк я их выдрессировал*», – сказал до озноба знакомый и самодовольный голос. От его обладателя осталась горсть пепла, развеянная над морскими волнами рукой безутешной вдовы.

Бранду Никэйну в приданое к невесте-шуриа досталась не только прекрасная земля, годовой доход, исчисляемый баснословной суммой, не только развалины замков, фермы и пастбища, но и целая армия ленивых бездельников-слуг, паразитирующих на графских милостях. Мор, выкосивший в одночасье половину провинции, отчего-то не коснулся именно той части обитателей Янамари-Тай, без которой можно было и обойтись. Во всяком случае, так высказался Бранд, когда увидел грязь и запустение, организованное прислугой по случаю отсутствия хозяйской руки. Бейла новобрачный, помнится, собственноручно лупцевал по хребту обломком метлы.

«*За дело, Джой. Исключительно за дело*».

И опять же трудно не согласиться, что воровать господское серебро – преступление, за которое иной раз вешают.

«*Как это мило, что ты сейчас на моей стороне. Семнадцать лет назад ты бурно протестовала против моей «тирании», – хмыкнул призрачный супруг. – Да ты никак выросла, девочка моя?»*

«Убирайся! Ты умер, Бранд Никэйн. И что тебе не сидится там, где... где там положено сидеть? Ты мертв, – сурово напомнила ему Джона и добавила: – Убирайся, а то оставлю стеречь дом, как цепного пса».

«*Уж и пошутить нельзя... Такая нервная. Пора обзавестись любовником, – съязвил дрожащий от сдерживаемого хохота голос. – И по статусу положено, и по норову...*»

«А вот я сейчас!..» – вспыхнула мысленно графиня, блефуя.

«*Уже убрался. Люблю и целую!*»

Это и в самом деле ужасное проклятие – чувствовать мир как шуриа. Попервоначалу даже вилку было в руки брать не слишком приятно. Держать ее, видя вместо собственных смуглых пальцев лапку бабки – женщины столь недалекого ума, что родне пришлось ее отравить, пока не навлекла на семью позор и гнев императора. Или того хуже – сухощавые персты одного из предков-ролфи по отцу. Вилкам-то почти пятьсот лет, они помнят еще Великий Раздор и Вилдайра Эмриса. Люди помнят долго, а вещи – еще дольше.

На десерт были фаршированные орехами моченые сливы вприглядку с кисло-унылым выражением на лицах обоих сыновей.

– Много сладкого есть – вредно, – спокойно сообщила она юным страдальцам, вынужденным вкушать блюдо слишком полезное, чтобы быть вкусным.

Уже вытерев губы и ополоснув пальцы в розовой воде, Джона передумала насчет беседы с Рамманом. Так случалось часто. И он просто ждал, когда в голове у его ненормальной во всех отношениях матери щелкнет некий тайный рычажок и недозволенное станет доступным.

– Пойдем в кабинет, поговорим об интересующих тебя вопросах, сын мой.

Рамман лукаво подмигнул младшему братишке. Мол, смотри и запоминай, еще пригодится наука. Идгард ответил понимающей ухмылочкой, став на миг откровенно похож на сытого совенка – круглые искристые глазенки, острый носик и тонкие губы.

– Итак, мой милый, что же ты хотел узнать о нынешнем положении дел при дворе? – спросила леди Янамари, занимая свое законное место в кабинете – за широким столом в высоком кресле. В том самом, в котором Рамман еще не отвык видеть Бранда.

Будь она на локоть выше ростом и чуть обильнее в плоти, Джойана выглядела бы исключительно величественно. Лиф нежно-зеленого атласного платья туго обтягивал единственную деталь облика, выдающую в ней женщину. Без высокой полной груди графиня смотрелась бы

бесполом подростком. Не спасала даже грива, а иного слова и не подберешь, чтобы описать эти жесткие тяжелые космы, которые Джона собирала в большой пучок на затылке, размером чуть меньше ее собственной головы. Удивительно, как тонкая, вернее, тощая шея, беззащитно торчавшая из остреньких плечиков с выпуклыми дугами ключиц, выдерживала такую нагрузку, да плюс к тому еще массивные гроздья серег и платиновую диадему.

Рамман последовал приглашающему жесту, присел в кресло и даже закинул ногу за ногу.

Он – взрослый, он – взрослый, он – почти совсем взрослый. И не надо смотреть на собственную кровь и плоть так, словно видишь ее... его насквозь.

– Зачем тебе вообще понадобилось связываться с Гарби и его сворой? Что тебя лично не устраивает в нашем императоре?

В Атэлмаре Вайерде Ол-Асджере, в человеке, правившем остатками Великой Империи Синтаф, Джоне не нравилось все. Начиная от раздевающего взгляда и заканчивая манерой кушать яблоки (несколько ленивых укусов и – в урну). Но если говорить о том, каков он как владыка Великой Империи, то для оглашения краткого списка претензий потребовалось бы несколько часов. Он так азартно растранижил государство, что даже самому аполитичному обывателю становилось не по себе. Дело было не в грандиозных празднествах и не в экзотических прихотях, тут милашке Атэлмару по части дорогих причуд до предшественников еще расти и расти. Но то, как он каждый раз сдавал интересы своей страны, вызывало ропот недовольства даже у эсмондов.

А еще он был чересчур ролфи, не в обиду бешеным будет сказано. Ибо ролфи какие угодно бывают, только не трусливые, а император уродился редкостным трусом.

– Атэлмар ищет поддержки там, где не следует, а именно – у конфедератов, раз за разом делая им непозволительные уступки и тем самым ослабляя Синтаф.

Двести пятьдесят лет назад часть восточных провинций сумела вырваться из цепких объятий Великой Империи, точно так же, как это сделал Архипелаг Ролэнси. Точнее, они воспользовались удачным моментом и, пока диллайн и ролфи пытались утопить друг дружку и страну в крови, тихонечко объявили о независимости. Поодиночке они бы никогда не выстояли, но, объединившись в Конфедерацию Свободных Республик, одержали почти бескровную победу над тяжело раненым Синтафом, обессиленным затяжной гражданской войной. И вот теперь «усилиями» недаленовидного самодержца Базил, Идбер, Фиртсвит, Хродвин и Эббо не только стали вровень с бывшей метрополией, но и начинали примериваться к ее богатствам.

– О небеса! – Рамман театрально воздел руки. – Патриотка из тебя никудышная, честное слово. Придумай что-нибудь еще.

Джона недобро прищурилась. Тонкие брови – в линию, губы закушены, без единого слова говорящие: «Здесь пока я хозяйка, а ты всего лишь очень дорогой моему сердцу наследник. Не забывай своего места, родной!»

– Тогда просто считай, что мне не хочется отдавать *твои* земли в загребушие лапы ролфи. Как только Вилдаир Эмрис сочтет, что Синтаф подгнил достаточно, он придет со своей бешеной сворой.

И тут сложно было что-то возразить. На Ролэнси спят и видят знамя с Бегущим Волком, победно вознесенное над Виннстанской цитаделью в Санниве.

– Не надейся, что тебе или твоим потомкам забудут родство с шуриа, – напомнила мать. – Они до сих пор не успокоились.

– Поэтому ты поддерживаешь повстанцев с Тэлэйт... – и осекся под яростным блеском глаз. – Прости. Конечно, Шанта. Я оговорился.

Назвать последнюю гавань шуриа ненавистным именем, данным врагами-ролфи, все равно что в лицо плюнуть. Не нужно так шутить, мальчик.

– И поэтому тоже, – неласково огрызнулась Джона. – Во всяком случае, мы с Лерденом попытались хоть что-то сделать там, где хваленые эсмонды только зубами скрипят от бессилия.

– И кого же вы с Гарби собирались посадить на трон?

– Во-первых, не стоит говорить так, будто только мы вдвоем заварили эту кашу. Многие принесли свою горсточку в общий котел. Во-вторых, попытка не удалась, и теперь бесполезно обсуждать кандидатуру возможного претендента. В любом случае, это должна была стать компромиссная фигура.

– Как в свое время Атэлмар Вайерд?

– Именно. Он устраивал почти всех эсмондов, высокие диллайны тоже не возражали, и то, что Атэлмар по матери – чистокровный ролфи, склонило в его пользу чашу весов старой аристократии. Идеальный карманный император. Был.

– Так почему он теперь лижет зад конфедератам?

«Фи! Как грубо! Но очень верно по сути».

– Слишком боится за свою власть, – отрезала Джона. – Что тут непонятного? Заводит независимых союзников, играет в поддавки, чтобы потом расплатиться по всем счетам единым махом.

«Вот только эсмондов ему не победить, и поэтому игра не стоит свеч».

Сын озвучил невысказанную мысль более чем прямолинейно. Почти как Бранд, только без крепких выражений:

– Тив Херевард его самого... хм... куда захочет. Прости, мама. Но на что Атэлмар рассчитывает? И на что рассчитывали вы с покойным Лерденом, не заручившись поддержкой эсмондов? Положим, в Совете *аннис* закрыли бы глаза, но тив Херевард тебя на дух не выносит.

«А вот этого тебе знать не нужно, дорогой мой».

Вместо ответа Джона улынулась, демонстрируя ровные мелкие зубки.

– А почему, как ты считаешь, его настолько спешно предали казни?

Откровенно говоря, Раммана больше всего волновал другой вопрос:

– Почему тебя отпустили? Только потому, что ты все время пряталась в тени, или благодаря молчанию героического Гарби?

О! Интонации прирожденного собственника прорезались?! Юному графу было невыносимо думать, что его мать и этот плюгавый недоросток могут... Тьфу!

– Со мной не так просто справиться, уверяю. И твой отец оказался прекрасным наставником по части интриг и заматывания следов.

«Какой из двоих?» – просилось на язык. Аж чесалось. Так нестерпимо, что Рамману пришлось прикусить дерзкий орган зубами, до крови.

– То-то он уже шесть лет как убитый, – буркнул юноша недовольно и краем глаза отметил моментальную смену выражений на лице сиятельной графини Янамари. Словно мелкая рябь по зеркальной поверхности озера, какая бывает от легчайшего ветерка. Было или не было, а если и было, то прошло.

Джона ничего не сказала, но бойкий мальчик Рамман побледнел и заерзал на шелковом сиденье кресла. Такого цвета тучи над бушующим морем. Вот уже вокруг черного узкого колодца зрачка мерцают переливы серо-синего тумана.

– Я отомстила. Счет закрыт.

Разговор тоже окончен. И Рамману вовсе не обязательно было слышать «Вон!», чтобы убраться из кабинета как можно скорее. Нужно всего лишь дождаться, когда переменится ветер и закончится буря.

Шуриа не ведают жалости, и нет у них уважения к мертвым. Наверное, потому что они точно знают, что смерть – это еще не конец всему. Они веками жили на равнинах Джемима, который потом станет Сэдренси, а еще чуть позже – Великой Империей Синтаф, жили наполовину в простых человеческих делах и заботах, наполовину в мире духов. Как водится – рождались, любили, сражались и умирали, а после смерти становились духами – свободными духами этой земли. А как же иначе, если шуриа были людьми свободными...

В груди у мужа была смертельная рана, его глаза остекленели. Мертв, бесповоротно мертв, мертвее не бывает. Молодая вдова опустилась на колени, в почти черную лужу крови, не замечая, что безнадежно портит роскошное бальное платье. Убить на балу, заколоть за портьерой в самый неподходящий момент – как это пошло.

А с другой стороны, их с Брандом история просто не могла закончиться хорошо. Так и случилось.

– О, нет! Бранд! Бранд! *Бранд! Где бы ты ни был, вернись немедленно! Вернись!*

Она сама не заметила, как отворила несуществующую дверь и шагнула туда, куда, по мнению благочестивых эсмондов, смертный ходить не должен, если он не еретик и не богоотступник. Они всегда так говорят, стоит сделать хоть шаг в сторону от догм, смысл которых до конца понимают всего несколько посвященных. В конце концов, это всего лишь точка зрения земных служителей Предвечного.

– *Бранд!*

Еще мгновение, и Джона бы непристойно, жалобно разрыдалась. Вот позору-то было бы!

«Как ты надоела мне, женщина. Почему ты все время орешь? Издевательство какое-то. Я даже после смерти не могу от тебя отделаться».

Он стоял рядом, положив невесомую ледяную руку на плечо своей... вдове. Почти такой же, как прежде, – те же непокорные темные кудри, впалые щеки, отливающие свежесвыбритой синевой, насмешливый опытный рот, глубокие глаза, раньше темные, ныне же сапфирово-синие, исторгающие призрачный свет. Мужчина, одиннадцать лет бывший Джойане мужем, другом и соратником, в чьей груди теперь черная рана, а глаза навеки закрылись.

«Скажи мне – кто? И... и будь волен».

Бранд насмешливо улынулся, крепко-крепко сжал плечо, промораживая его до костей, и посмотрел куда-то сквозь Джону.

«Это скучно, дорогая, – промурлыкал он. – Ищи сама. Должна же ты чем-то заниматься, кроме как готовиться к погребению и тратиться на достойную тризну?»

Люди не меняются ни при жизни, ни после смерти, они либо начинают понимать что-то важное, либо нет. Бранд Никэйн всегда отличался сложным характером, он не уважал легких путей и простых решений, и он любил Джону, по-своему, как умел. Поэтому дал ей именно то, в чем она нуждалась, а именно – пищу для ума, огонь для сердца, повод жить дальше, по большому счету сделав любимой женщине последний подарок – возможность найти убийцу и утолить боль потери мстью. Жестокой и вероломной, как это водится у шуриа. Саннива содрогнулась, видят Великие Духи, при дворе месяц пересказывали друг другу кровавые подробности. Из уст в уста, из уха в ухо, нервно подрагивая коленками, кусая губы от острейшего возбуждения. Вдова Никэйн показала высший класс – никаких свидетелей, никаких доказательств. О, Предвечный! Ее же даже в столице не было.

Домыслы все, недостойные высокородных и всемогущих сплетни и пустые наговоры! Ничего не знаю, никого не видела, отдыхала от света на модном курорте, лечила издерганные нервы целебными водами. Леди Янамари – несчастная вдова, забыли?

Но родня убиенных отчего-то же не стала искать справедливости, а дело тихо замаяли. Как будто ничего не случилось.

И как это часто бывает, одно событие влечет за собой целую цепочку других, самых неожиданных, почти невозможных.

Лерден Гарби оценил решительность Джойаны Никэйн по достоинству. И она снова встретилась с Аластаром, а потом...

Из жестких объятий памяти Джону выдернул осторожный стук в дверь.

– Мапочка?

Если судить по часовой стрелке, графиня просидела без движения полтора часа, созерцая поверхность столешницы. Тропы прошлого причудливы и запутанны. Никогда не знаешь, куда приведет следующий поворот – в сад блаженств или на пепелище ненависти.

Идгард, сам того не желая, появился в самый нужный момент.

– Господин Харрик остался доволен твоими успехами?

– Он сказал, что я молодец, но немного ленюсь, – прощепетал мальчик, вбегая в комнату со скоростью камушка, умелой рукой брошенного над поверхностью озера.

Так деревенские пареньки играют в «блинчики». Прыг, прыг, прыг, бульк! Прямо в объятия матери.

– Но ты же пообещал стараться и впредь слушать учителя внимательно?

– Конечно, мамочка.

«Это пока ты рассеянный и мечтательно-задумчивый, мой соенок, а пройдет совсем немного времени, каких-то пару-тройку лет, и ты станешь таким же одержимым, – с грустью подумалось Джоне. – Тебе будет мало и неба, и земли, и моря. И я даже не знаю, хорошо это или плохо, потому что я – *Третья*, мне не дано, а ты... ты все же *Первый*».

Нет, все-таки смерть определенно не последний предел. Если бы Бранд не умер, если бы не его загробное упрямство, если бы не остервенение, с которым графиня Янамари взялась за вендетту, то не сидел бы у нее на руках ясноглазый мальчик, пахнувший овсяным печеньем и чернилами. История закончилась не так уж и плохо, если разобраться.

Бранда она оплакивала, Идгарду радовалась, память о муже была такой нежной и счастливой, а будущее сына – столь опасным и непредсказуемым, что в целом получалась весьма жгучая смесь чувств. Даже для шуриа, чья жизнь в прямом смысле зависит от того, насколько ярко они воспринимают бытие. Во всяком случае, так принято считать.

Грэйн ир-Марен

*«Княжество Ролэнси,
о. Ролэнт, владение Лэнси, Эйнсли,
пл. Дозорных Башен, 4,
Генеральный Штаб Собственной Е.С.О.⁹ Канцелярии.
Посвященной госпоже¹⁰ прапорщику 12-го полка
вспомогательных войск Священного Княжества
Ролэнси ир-Марен Грэйн.*

Посвященная госпожа! Сям надлежит Вам немедля по получении сего прибыть в столицу в срок не позднее пяти дней и, поселившись в месте, подобающем Вашему чину, не мешкая оповестить Собственную Е.С.О. Канцелярию о своем местонахождении.

Конри».

Когда руки твои жжет подобный приказ, а отведенный для его выполнения срок стремительно тает, увязнув в весенней распутице и споткнувшись о сломанную каретную ось, остается лишь взывать к Локке, уповая на несвойственную грозной богине милость. И тут уж точно не до сдержанного скулежа попутчиков. Согревая озябшие даже в новых перчатках руки о глиняные бока кружки и вытянув отсыревшие ноги к камину, Грэйн, казалось, дремала, полуприкрыв глаза. На деле же она искала выход. Три дня прошли, и скоро перевалит за полдень четвертый из отпущенного ей срока, а до столицы еще лайгов двадцать с лишним. Меж тем крыльев у посвященной госпожи прапорщика нету, равно как и достаточной суммы денег, чтобы купить коня. Даже если бы таковой конь нашелся на дворе придорожного трактира и даже если предположить, что Грэйн сумела бы с ним совладать, по поводу чего она испытывала серьезные сомнения. Как и у всякой девочки из благородной и обеспеченной семьи, в детстве у эрни Кэдвен был пони, но этим ее опыт и ограничивался. За последние пятнадцать лет девушке доводилось ездить верхом от силы раз пять или шесть. Право же, навыки выездки – не совсем то, что требуется от прапорщика вспомогательных войск, а откровенные насмешки прочих обитателей форга Логан быстро отвратили Грэйн от любви к верховой езде. Она не справится с лошастью, даже если найдет ее здесь, тут нечего и думать. А раз так...

Грэйн закусила губу, чувствуя, как поднимаются в душе совершенно не подобающие благородной ролфи чувства. Гневаться на судьбу и сетовать на обстоятельства – совершенно недопустимо, а еще – недопустимо терять власть над собой. Каждый, в ком текла чистая кровь *Вторых*, отлично знал, чем кончается утрата самоконтроля. Внутри любого ролфи спит кровожадный и безжалостный зверь, и лишь жесткие, подчас жестокие рамки обычаев и законов не дают ему проснуться... не вовремя. Детей серебряной Волчьей Луны не зря прозывают бешеными. Спроси любого диллайн или кого-то из еще уцелевших проклятых шуриа, кто такие ролфи? Бешеные, кровавые, беспощадные, уважающие лишь силу, не терпящие болезни и слабости. Всегда готовы толкнуть падающего и растоптать уже упавшего, но охотно склоняются перед сильным вожаком. О да, все так. Но волчья стая *Вторых* пойдет лишь за своим вождем. Диллайн так и не смогли этого понять. Побежденные, ролфи затаились, подчинились... выжидали. Где теперь непокорные шуриа? Много ли осталось от могучей империи *Первых*? Прошли века в подчинении диллайн, но настал час возрождения и возвращения, и

⁹ Е.С.О. – Его Священная Особа (Князь).

¹⁰ Посвященный(ая) господин(жа) – обращение к посвященным Локке или Морайг, т. е. сухопутным или морским офицерам, Владетельный(-ая) господин(-жа) – обращение к землевладельцам-эрнам; Почтенный(-ая) господин(-жа) – обращение к безземельным; «Эй, ты!» – обращение к низшим или лицам вне иерархии ролфи.

пришел Вилдаир Эмрис. Священный предсказанный Князь, *вожак*. И нет под тремя лунами другого повелителя, подчиняться которому было бы так же легко и сладостно, как Хозяину Островов. Быть одной из его Стаи, хотя бы единожды услышать, как тяжело плещет на ветру знамя Бегущего Волка, носить на плече клеймо посвященной... Очень немногим выпала такая честь. А положение обязывает. Грэйи не вправе ослушаться приказа, а значит – следует изыскать способ его исполнить точно и в срок.

Девушка поставила недопитую кружку и достала из кошелька горсть медянок. Не считая, бросила их на стол. Просохли сапоги или нет, кончился дождь или еще хлещет – все равно. Двадцать лайгов до столицы – это не такое уж большое расстояние, особенно если идти, не останавливаясь. Раз такова воля Локки, Грэйи пешком дойдет до Эйнсли.

Она пробежалась пальцами по крючкам шинели, проверяя, нет ли расстегнутых, и, пригнувшись, вышла в дождь.

Дороги Ролэнси – вот первое, за что взялся Священный Князь, изгнав с Островов имперцев. В последние десятилетия правления диллайн мощенные еще при первых императорах дороги стали похожи на изъеденные древоточцами половицы – то тут дыра, то там. Вилдаир Эмрис восстановил старые и построил новые, прямые, словно стрелы, словно клинок его знаменитого тяжелого палаша. Только таким и должен быть путь, по которому пристало шагать ролфи, – прямым и ровным, чтоб никакая распутица не могла помешать перемещению армий и доставке грузов. Или – пешком добраться до столицы. Только на островной дороге можно позволить себе вот такой марш-бросок на двадцать лайгов и надеяться при этом, что сапоги его переживут. Покамест надежды Грэйи оправдывались, впрочем, загадывать было рано – она прошагала всего только пять лайгов из двадцати. Шинель ее, конечно же, давным-давно промокла, равно как и мундир, заплечный мешок и даже белье. В общем-то, сухими на ней оставались пока только портянки, и то благодаря дополнительной шнуровке по верху голенища, отчего вода с мокрых бриджей не затекала в сапоги. Девушка уже вовсю хлюпала носом и то и дело чихала, отчетливо понимая, что еще немного – и это путешествие может закончиться для нее жестокой простудой и койкой в госпитальном бараке, а то и погребальным костром за государственный счет. Уповать в такую погоду можно было лишь на милость Локки (а когда это за воинственной богиней водилась привычка раздавать направо и налево свои милости столь незначительным последователям?) и на здоровую чистую кровь Кэдвенгов, которым издревле никакая чихота была не страшна. Папеньку в тюрьме сгубила вовсе не казематная сырость. Да и сама Грэйи – разве не доводилось ей плевать на погоду и даже в жестокие штормовые ночи, когда все обитатели столицы сидели по домам, накрепко затворив окна и двери...

– Эй, ты! С дороги!

Окрик за спиной и сразу за ним – свист хлыста заставили Грэйи инстинктивно отшатнуться. Запряженная четверкой карета возникла из ранних весенних сумерек, словно призрак. Девушка вздрогнула, отскочила к обочине и оступилась на мокрой брусчатке. Неуклюже взмахнув руками, Грэйи упала чуть ли не под копыта передней пары да еще и прямо в лужу, окончательно загубив свою шинель и зазвенев по камням бесполезной саблей. Кучер успел осадить упряжку, и копыта грянули в каких-то паре эдме от правого уха Грэйи, оглушив и напугав ее. Пока она, моргая, пыталась рассмотреть в быстро сгущавшейся темноте хоть что-то, кроме оскаленных лошадиных морд и пары фонарей на передке кареты, возница, на все лады проклиная нежданную помеху, слез с козел и дернул Грэйи за рукав, вновь заноса хлыст.

– Что разлеглась, ты!.. О... – вдруг осекся он и попятился, забыв даже опустить руку.

– Что там, Коли? – Дверца кареты распахнулась, и оттуда высунулся кто-то, почти неразличимый в темноте. – О, отринь меня, Морайг! Да помоги же ей встать, идиот!

Девушка, недоумевающая, отвела с готовностью протянутую руку кучера и поднялась на ноги сама, безуспешно пытаясь отряхнуть шинель и поправить опять съехавшую саблю.

– Позвольте помочь, посвященная госпожа... – Утративший всю воинственность возница вновь сунулся к ней, и Грэйи сперва отмахнулась, а потом замерла, внезапно поняв причину такого участия. «Посвященная госпожа». Ну конечно же. Сабля и капли дождя, блестящие в свете фонарей на ее погонах. Она – офицер, и вся надежда обознавшегося в темноте кучера теперь только на то, что хлыст ее не задел. Простолюдина, рядового или матроса, поднявшего руку на офицера армии или флота Его Священной Особы, ждет повешение, и даже желание его господина или самой Грэйи замять дело ничего не изменит. Локка неизбежно покарает преступника, ускользнувшего от княжеского правосудия.

– Мерзавец вас ударил? – спросили из кареты.

– Нет, – честно ответила Грэйи. – Я поскользнулась и упала сама.

– Он будет наказан, посвященная Локки. Обойдемся поркой, если вас это удовлетворит.

– Вполне удовлетворит, господин?..

– Посвященный Морайг Таллэк эрн-Холдэн, первый лейтенант шнявы Его Священной Особы «Прыткая». А вы, посвященная Локки?

– Грэйи ир-Марен, прапорщик 12-го полка вспомогательных войск. Следую в столицу.

– Пешком?! – в вежливо-отстраненном голосе из недр кареты прозвенело удивление. – А-а, вы, верно, ехали в той почтовой карете, что сломалась на мосту! Ну вот что: полезайте сюда. Я должен вам услугу за шкуру моего денщика; признаться, я привязался к этому бездельнику и не хотел бы видеть его повешенным. Так что, если вы снимете эту грязную шинель и дадите мне слово не болтать в пути, я подвезу вас до Речной заставы и угощу бренди, чтоб вы не померли по дороге.

– Благодарю, – отозвалась Грэйи, забираясь на подножку, – вы весьма любезны.

Восславив Локку и Морайг, она с радостью приняла предложенный серебряный стаканчик и выпила, а затем почти сразу же заснула, убаюканная мерным покачиванием экипажа и долгожданным теплом. Флотские всегда жили комфортней армейских: карета обычного морского лейтенанта оказалась даже с печкой – немыслимая роскошь по армейским меркам! – так что теперь Грэйи могла быть спокойна за свое здоровье. Что же касается безопасности пути, так она и прежде не беспокоилась на этот счет – за триста лет регулярных показательных казней Вилдаир Эмрис преступность искоренил настолько, что и впрямь невинная дева с кошельком золота могла обойти все Острова и не пострадать, так что же говорить об усталой замызганной женщине-прапорщице с полупустым дорожным мешком?

Со столь милостиво посланным Локкой попутчиком позевывающая и вздрагивающая от недосыпа Грэйи рассталась у Речной заставы, как и было обещано. Посвященный Морайг покатил дальше, одним только видом своей кареты и лошадей демонстрируя глубочайшую пропасть между армией Ролэнси и ее великолепным флотом. Довольно-таки жалко выглядящая в измятой шинели и грязных сапогах, непричесанная и немытая Грэйи не стала провожать завистливым взором этот символ недостижимого статуса. Бессмысленно мечтать о несбыточном, надобно посвящать свои силы тому, чего и впрямь можешь достигнуть. Тем более что на оживленных даже в этот утренний час улочках предместий Эйнсли, жемчужины в островной короне, сама прапорщик ир-Марен была для многих объектом зависти.

Она предъявила подорожную полицейскому сержанту на заставе и, привычно подпернув лямку мешка, вступила на мостовую города, где не была последние пятнадцать лет. Впервые попадающий в лабиринты рабочих предместий Эйнсли, прокопченных угольным дымом и пропахших рыбой, неизбежно рискует заблудиться. Но Грэйи, к несчастью, успела неплохо изучить эти самые улочки, тупики и дворы за проклятые годы нищеты и выживания, что опальное семейство провело именно здесь. Она и хотела бы, возможно, не помнить каждый поворот Торфяной дороги, по которой сейчас шагала, но не смогла бы забыть при всем желании. От прошлого не скрыться даже под офицерским мундиром. Оно настигает внезапно, вползает в

ноздри запахом горящего в очагах торфа, смолы от лодочных сараев, гонит мурашки по спине от скрипа блоков и канатов и визга пилы на верфи, врывается в уши душераздирающими пронзительными воплями девчонки-разносчицы:

– У-у-устрицы!!! А кому свежие у-у-устрицы-ы! Све-е-жие у-у-устрицы!

Грэйи старательно отвернулась от тележки юной торговки и прибавила шагу. Проклятие! Все то же, все так же: застиранное синее платье и форменный передник, отполированная ладонями до блеска ручка тяжелой скрипучей тележки, косая челка из-под выгоревшей синей косынки и тяжелый мрачный взгляд. И голос, сорванный от постоянного: «У-у-устрицы!!! Кому свежие у-у-устрицы!»

В Ролэнси нет и не может быть попрошайек и беспризорников. Суровое правосудие Вилдайра Эмриса избавило страну не только от воров и разбойников, но и от нищих и бродяг. Разумеется, методы Священного Князя в установлении законности и порядка заставляли его недругов визжать не хуже несмазанных колес рыбной тележки, однако... Даже дочери труса и предателя имели право на образование, другое дело, что после благородного пансиона женское училище третьего класса в рабочем предместье послужило для бывшей наследницы Кэдвена настоящим испытанием. Одним из первых, но далеко не последним. А вот рыбная тележка испытанием не была, она стала средством существования, и не самым плохим, во всяком случае, у Грэйи не было повода стыдиться своего труда. Но и гордиться этим она смысла не видела, равно как и вспоминать лишний раз. Она выжила, не уронив отцовской чести, и этого довольно.

Она выжила сама и не дала погибнуть матери и сестре. Вдовая Элейн с несколько неуместной для дочери торговца гордостью отказывалась принимать изменения в положении семьи, но только в той части, которая касалась будущего младшей дочери. Старшая не обижалась. Малышка Эбэйн, красotka Бэйни, как звал ее отец, конечно же, заслуживала лучшей участи, нежели торговать рыбой вразнос или наниматься в прачки. Отец бы сделал все для малышки Бэйни, но отца не стало, так что волей-неволей его место отчасти заняла Грэйи. Это было неправильно, это было ужасно неправильно, невместно, плохо. Она не должна была, никогда не посмела бы претендовать на то, что было его долгом и правом, но... Даже такой маленькой стае нужен вожак или... по крайней мере тот, кто схватится с врагом и принесет в логово добычу. На место во главе семьи она не посягала даже в мыслях. Оно навеки принадлежало Сэйварду эрн-Кэдвену и никому больше. И на самом же деле Грэйи не сделала ничего особенного, просто... Истинные ролфи могут отступить, но никогда не сдаются. Упрямая гордость и бесконечное терпение, а еще – спокойное упорство в достижении цели. Без этого волчье племя *Вторых* не было бы собой. Равно как и без подступающего к горлу бешенства, когда препятствие кажется неодолимым. Грэйи была истинной ролфи, и однажды оно настигло и ее. Мать продала трубку и компас. На самом деле Элейн продала все вещи, оставшиеся от мужа: его парадный мундир и золотые эполеты, его кортик с инкрустацией, его секстант и глобус... Она избавилась бы и от фамильной шпаги Кэдвенов, если б благородный клинок уже не был подпилен и сломан над головой осужденного предателя. Грэйи до рези в глазах жаль было отцовских вещей, но эти, последние... Она долго прятала компас и трубку в своем углу, под матрасом, но мать, в очередном припадке маниакальной борьбы за чистоту в доме, перетрясла ее постель и нашла припрятанное. Грэйи вернулась домой с дневной выручкой, а в косе Бэйни появились шелковые ленты. Вот тогда-то старшая барышня ир-Марен – нет, Кэдвен! – испытала то самое кровавое бешенство ролфи, которое вечно поминают волчьему племени. Она так никогда и не смогла простить матери эти лазурные, словно весеннее небо, ленты в темнорусых косах сестры, а сестре – ее радости, ее звонкого беззаботного смеха, беспечного счастливого кружения по комнате в ореоле разлетающихся прядей и шелковых всплесков лент... Даже когда взялась чинить по ночам сети соседу-рыбаку, чтоб заработать пару лишних арсов. Даже когда заработала и смогла-таки выкупить в лавке старьевщика так никому и не приглянувшиеся трубку и компас. Они и теперь были с ней, бережно завернутые в шерстяной лоскут и уло-

женные в шкатулку на самое дно заплечного мешка. Грэйи никогда не жалела о силах и деньгах, отданных сестре и матери, тем более что ни в учебном лагере, ни в гарнизоне форта Логан тратить жалованье было особенно не на что. Она, не задумываясь и не колеблясь ни мгновения, отдавала Элейи и Бэйни все, что только могла добыть, и даже, пожалуй, сердца из груди не пожалела бы, как Дева Сигрейи из саги об Удэйи-Завоевателе¹¹, но эти две вещи... Компас и трубка, они были только ее – не столько память, сколько благословение. Малая частица отца, словно отблеск его улыбки из чертогов Оддэйи.

– О, ну вот и дошла, – вслух пробормотала она, обнаружив внезапно, что за мыслями и воспоминаниями не заметила, как промаршировала насквозь все предместье и вступила в гораздо более respectable район. Высокое Заречье раскинулось правильными рядами построенных в едином стиле магазинов и домов, где предпочитали селиться торговцы средней руки, вроде Терлака ир-Кэйлена, мужа Бэйни. Но тот факт, что немалая часть этого дома – и этого мужа, если уж на то пошло! – приобретены за счет Грэйи, ничуть не делал ни дом родным, ни ир-Кэйлена – родичем. Прапорщик ир-Марен не собиралась проситься на постой к Терлаку и его молодой супруге, однако – кровь Локки! – долг родства обязывал ее зайти туда. Хотя бы потому, что в доме семейства ир-Кэйлен обитает Элейи, а приехать в столицу и не повидаться с матерью было бы совсем невместно для истинной ролфи.

¹¹ *Дева Сигрейи* – персонаж предания ролфи; вырезала из груди свое сердце и принесла его в жертву богам, чтоб отомстить за Удэйи эрн-Кармэла (Удэйи-Завоевателя).

Рэналд эрн-Конри

– Скажи мне, лорд Конри, я терпелив? – Вилдайр Эмрис, владетель Лэнси, Священный Князь, Повелитель Архипелага, и прочая, и прочая, стоял у высокого окна и по-мальчишески дышал на стекло, рисуя указательным пальцем недолговечные и непонятные руны.

– Мой князь? – лорд-секретарь изобразил вежливое недоумение. Вопрос был риторическим. Как еще назвать правителя, который на протяжении трехсот лет кропотливо и методично превращал разоренные гражданской войной задворки Империи, где даже рожь не каждый год родится, в государство, которого теперь и впрямь боялись от северных границ Синтафа до восточных рубежей Эббо? Если не терпеливым, то каким?

– Мне всегда казалось, что правитель должен быть терпеливым, – князь вздохнул и стер со стекла свои загадочные письма. – И клянусь белыми волками Оддэйна, я таковым и был. Разве нет, Конри?

– Безусловно, мой князь. – Конри уже давно почуял, к чему клонит его повелитель, и недоумение изображал просто в силу традиции.

– Я был бесконечно терпеливым, Конри, но даже моему терпению пришел конец. – Вилдайр Эмрис развернулся от окна так резко, что волчьи хвосты в его длинных серебристых косах с размаху ударились о стекло. – Разве я просил тебя доставить в Эйнсли Атэлмара в цепях со всеми чадами и домочадцами?

– Поверьте, мой князь, как раз с императором Синтафа вышло бы проще, – вздохнул лорд-секретарь, отводя глаза.

– Верю, – Повелитель Архипелага фыркнул. – Именно поэтому он мне и не нужен. А кто нужен, ты знаешь. И я все еще жду, когда же мои любезные подданные соизволят выполнить приказ. Скажи, Конри, долго мне еще ждать? Или, может быть, мы с тобой соберем Совет Эрнов и сообща попросим северян повременить чуть-чуть и дать нам еще время подготовиться, а?

– Мой князь, вы знаете, что интересующая вас особа...

– Пять раз, Конри. Пять неудачных попыток! Она заколдована, что ли, эта женщина?

– Она же шуриа, – пожал плечами лорд-секретарь.

– О да, – Вилдайр хохотнул. – А потому сбрасывает свою змеиную шкуру, отводит всем глаза и просачивается сквозь пальцы вместе с утренним туманом! И варит похищенных младенцев-ролфи в большом котле. Придумай мне еще пару свежих баек о *Третьих*, Рэналд.

– Мой князь, если бы мы имели дело только с тайной стражей Синтафа, *Третья* уже ловила бы свое отражение в водах Мэрддин. Но кроме нас есть еще конфедераты. Боюсь, что Эббо играет на опережение, а Идбер...

– Да-да, я понял, понял, – князь отмахнулся. – Кругом враги, тайная стража Синтафа ужасна, конфедераты еще хуже, а про северян и говорить нечего. А мои столь дорогие Гончие внезапно оказались беззащитными овечками. Дорогие в смысле дорогостоящие, Рэналд. Может быть, мне дешевле и быстрее окажется попросту перекупить синтафскую полицию, а?

– Мой князь, люди делают все, что могут, – жестко ответил Конри. – И я не знаю, почему раз за разом операция срывается. И мне неизвестно, кто именно сдает моих людей.

– Так выясни это, Конри, – Вилдайр пожал плечами. – И найди уже среди моих Гончих того, кто сможет выполнить приказ своего князя. У нас не осталось времени на деликатность. Если твоя очередная попытка тоже окончится неудачей, мне придется действовать силой. А ввязаться в настоящую войну с Синтафом сейчас – значит гарантированно проиграть потом, особенно когда в нашу драку влезут конфедераты.

– Полагаю, мой князь, что я уже нашел.

– О! – Повелитель Архипелага выгнул правую бровь. – Так уверенно сказал! Что же, он настолько хорош, этот человек?

– Она, милорд.

– Женщина? – Эмрис выгнул и левую. – Ты уверен, что это разумно?

– Мужчины потерпели неудачу. Сказать по совести, мой князь, я действительно в замешательстве и устал получать головы моих лучших людей в корзинах с опилками. Использовать женщин в таких делах не принято, так, может быть, сработает неожиданность там, где отступил опыт...

– Ты представляешь себе, какое твяканье начнется, если ее поймают? – улыбнулся Священный князь. – Женщина в разведке! Ролфийская волчица в овчарне диллайн! Ха, мне начинает нравиться эта идея... Даже если она провалится, ты же найдешь способ раздуть скандал, чтоб это использовать, да, Конри?

– Безусловно, милорд.

– Тогда действуй. Но учти – прежде я хочу на нее посмотреть, – Вилдайр подмигнул своему лорду-секретарю.

– Если вам будет угодно посетить мой дом нынче вечером, это можно будет устроить, – Конри и глазом не моргнул.

– Дом? – князь склонил голову к плечу в веселом недоумении. – Ты не вызовешь ее сперва в Штаб, а сразу потащишь к себе в логово, Конри? А вдруг она не согласится на такое опасное задание? Куда ты тогда денешь тело – в саду закопаешь?

– Согласится, – лорд-секретарь ответил волчьей ухмылкой. – Она обеими руками за него схватится, мой князь. Ей есть ради чего рисковать. Она ведь старшая Кэдвен.

– Ого! – Эмрис громко рассмеялся, закинув голову и показав крепкие белые зубы. – И что же будет приманкой? Наверняка поместье и доброе имя отца?

– Разумеется. Грэйи Кэдвен притащит нашу дичь в зубы, и не повредив шкурки притом, милорд. Я следил за этой семьей. Девушка помешана на желании вернуть землю и отцовскую честь.

– Мы все этим одержимы, Конри, – посерьезнел князь. – Не забывай об этом. Земля и честь – большего у нас нет. Но почему она? Ты жаждешь искупления или же решил отправить дочку вслед за отцом? Не сказал бы, что ты поступил тогда с Кэдвеном по-дружески. Попахивало предательством то дело, а?

– Сэйвард не был моим другом, – сухо отозвался лорд Конри, на этот раз твердо выдержав прямой взгляд своего князя. – И Сэйвард знал, на что шел. Она тоже будет знать. И если ей удастся...

– Конечно, в случае успеха пусть владеет своим Кэдвеном, Рэналд, – Эмрис пожал плечами. – Бесплодный кусок камней и болот, насколько я понимаю. Корона компенсирует тебе эту потерю. А вот насчет восстановления чести ее отца надо будет подумать. Впрочем, вопрос оплаты встанет лишь после ее возвращения с победой, а пока... Обещай ей хоть пол-Конрэнта, пусть только привезет мне эту шуриа живой и невредимой. Да. Я определенно хочу взглянуть на дочь Сэйварда эрн-Кэдвена. Жди меня после заката, Рэналд, и не забудь про горячий эль. В прошлый раз твой повар переборщил с корицей, учти это.

Джойана Алэя Янамари

Еще одно утро, еще один рассвет, еще один день. Когда ты чувствуешь первые лучи солнца, даже если светило сокрыто за непроницаемой толщей облаков, так, словно кожи нет совсем. Больно, нестерпимо больно, ослепительно больно, и эта боль такая восхитительная, такая сладкая, доводящая до экстаза. Она означает – ночь была так темна, что смерть снова заблудилась и сбилась с пути. Но ты проживешь еще один день, а кто-то из немногочисленных сородичей ушел навсегда.

К полудню в Янамари явился тив Удаз собственной персоной, подтвердив подозрения. Вот уж кого Джона видеть не хотела. Совсем-совсем, а лучше вообще никогда-никогда. И если столичные эсмонды умели скрывать свои чувства за маской равнодушия, то в провинции не только нравы были проще, но и манеры значительно грубее.

Как эта... зверушка может быть графиней и владельницей Янамари? Как Император допустил такую ошибку? Куда смотрел Эсмонд-Круг? Подобными вопросами задавались все местные тивы и аннис вот уже восемнадцать лет подряд. Удазу всего лишь хватало ума не испрашивать каждый раз Оправдательную Оркenu – решение Эсмонд-Круга о невиновности Джоны в злокозненном колдовстве и о признании за ней права наследовать титул и земли своего отца. Нет, разумеется, демонстрировать тончайшей выделки пергамент, подписанный лично тивом Херевардом, удовольствие необыкновенное, еще приятнее – наблюдать за смелой выражений на породистой морде преподобного, но тогда придется вспоминать все обстоятельства получения этого документа. А не хочется. Совсем-совсем. Во-первых, он говорит не столько о невиновности, сколько о беззащитности Джоны. Как не могла она причинить вред своей родне, так и не под силу графине-шуриа не только заколдовать или сглазить, но даже глаза отвести недругу. У тива Удаза в одном мизинце больше магической силы, чем во всей леди Янамари вместе с одеждой, туфлями, шпильками в волосах и кольцами на пальцах. И это, что ни говори, крайне обидно и в чем-то очень несправедливо.

– Добрый день, миледи, – буркнул тив, делая вид, будто кланяется, а на деле сменяя несуществующую соринку с подола своего темного одеяния. – У меня к вам неотложное дело. Даже два.

– Я вас внимательно слушаю, преподобный.

– Мне сказали, что колодцу около Синиц нужен новый сторож.

Смешно и глупо, что с такой мелочовкой разбирается не какой-нибудь управляющий, а лично владельница Янамари. Но что сделаешь, если леди Джойана – существо ущербное во всех отношениях – женщина и притом шуриа, а ее сын – несовершеннолетний. Но, в самом-то деле, не ехать же специально в Дейнл, в столицу графства, чтобы уладить вопрос с колодцем?

Диллайн изо всех сил старался не смотреть в глаза графине. Боялся скверны, которая, по авторитетному мнению эсмондов-богословов, исходит от шуриа, словно запах кожи и волос. Кстати, от Джоны после легкого завтрака пахло исключительно орехами и ванилью. Но кто знает этих одержимых, может, их эта самая «скверна» только так и пахнет?

Это же хорошо, что тив Удаз одержим всего лишь Благочестием. По сравнению с Нетерпимостью сущие мелочи, честное слово.

– И полное очищение ему тоже необходимо, – подтвердила Джона.

Тив закатил золотистые очи, прикидывая цену:

– Это будет стоить...

«Шиш тебе!»

– Синичане заплатят, – невозмутимо отрезала графиня.

– Они не настолько богаты, миледи.

– Пусть скинутся в общий котел.

– Но...

– Преподобный, – солнечно улыбнулась леди Янамари. – Если вы запомнили, то я осмелюсь напомнить, что синичане пожелали самостоятельно выбрать Сторожа Колодца, отклонив последовательно троих моих кандидатов. Я не возражала. Но теперь моей вины в том, что их выдвигенец забавы ради осквернил колодец, нет и быть не может. И платить за очищение я тоже не буду. – Она развела руками. – Или облагодетельствуйте их задаром, или пусть пьют заразную тухлятину.

Очищенный магией диллайн колодец гарантировал округе не только хорошую воду, но и защиту от смертельных болезней, вроде той же холеры. Кому охота помирать, когда, уберегаясь от опасностей, можно прожить... А собственно говоря, никто – ни премудрые эсмонды, ни посвященные ролфи, ни духи – не ведал сроков человеческой жизни. Коль перевалил годами за первые три десятка, то при крепком здоровье, разуме и удаче можно жить, жить и жить... Так уж прихотливо распорядились боги, чтобы жизнь смертных не имела предельной грани. Вилдайру Эмрису, Владыке Архипелага, сколько уже лет? Пятьсот! Аластару чуть больше трехсот, а тиву Хереварду перевалило за тысячу. Простолюдины, понятное дело, до таких годов не доживают – мрут от болезней, ран, родов, яда и войн, а грязная вода в оскверненном колодце может существенно сократить даже эти сроки. Синичанам придется раскошелиться, раз уж выбрали в Сторожа такого идиота.

Тив от злости, похоже, губу прокусил. Теперь ему придется выбивать по медяку с каждого двора, унижаться, объясняться. И все из-за богомерзкой шуриа. И, как назло, наглая тварь одета настолько сдержанно, что даже придаться не к чему. Прямо-таки не светская распутница, а пристойная женщина. Воротник-стойка под самый подбородок, волосы спрятаны под строгий чепец, ни румян, ни помады. Безобразие какое!

Глаза тива налились злобной желтизной, пальцы сжали подлокотники кресла так сильно, что костяшки побелели. Вот что значит полукровка! Пусть золотая кровь диллайн в нем верх взяла, даровав магическую силу, но оставшаяся от ролфи часть сильно подкачала по части самоконтроля. Впрочем, разве пошлют в провинцию чистокровного эсмонда, способного Силой и Словом Предвечного творить чудеса? Нет ведь. В Янамари, в сельскую глушь, в неизвестность отправится такой вот тив-смесок, одержимый Благочестием, чтобы страдать от общего несовершенства мира и выносить капризы сквернавки-шуриа.

– Какое же второе дело, приведшее вас ко мне, преподобный? – напомнила Джона, устав созерцать недовольные гримасы священника-мага.

– Сегодня умерла госпожа Хилини, – почти с радостью сообщил Удаз.

Ну, разумеется! Еще одной шуриа, еще одним воплощенным непотребством в глазах Предвечного стало меньше. Как же тут не радоваться?!

Давным-давно ролфи пришли и завоевали земли шуриа, так давно, что не отыскать ныне полей тех битв, истлели кости павших воинов, рассыпались в труху их доспехи и знамена, а кровь ролфи и шуриа давным-давно смешалась в жилах их потомков, но старая ненависть, она никуда не делась за минувшие столетия. И Элишва пересказывала единственной дочери историю о роковой смерти Удэйна-Завоевателя, существенно отличающуюся от той, которой потчевали Джониных сестер и братьев их матери. Так всегда бывает, и никто не знает, на чьей стороне истина, и, главное, не желает знать. Какая разница, попал ли князь-ролфи в плен раненым или его околдовали коварные шуриа, убили ли его при попытке ворожить или специально принесли в жертву? Если есть повод ненавидеть и возложить всю вину на кого-то другого, то кому нужна правда? А правда такова – ролфи покорены диллайн, а частью загнаны на бесплодные острова в холодном северном море, а шуриа – прокляты и медленно умирают.

Хилини за всю свою жизнь ни разу не показалась на сельской ярмарке, никто не захотел взять шуриа в жены, и только в последние годы, когда земли Янамари перешли под руку Джоны, местные оставили попытки сжечь ее дом.

- Я выделю средства на достойное погребение бедной женщины.
- Уж окажите милость, миледи. Только вам придется нанять людей на стороне. Джона снисходительно улыбнулась.
- Само собой, преподобный Удаз. Я сделаю все так, как полагается по обычаю.

А обычаи шуриа в отношении смерти были удивительно просты – тело полагалось сжечь, а пепел отдать стихии посвящения. И никакого особенного смысла не несли. Просто символ, довольно красивый, но не более. Хилини, например, «водная», стало быть, прах ее обретет пристанище в реке Наме. И станет она рекой. Саму же графиню Янамари преданно ждет земля.

Преподобный ерзал в кресле. Не сиделось ему на графских атласах, не пилося ему дорогой сорт чая из заморских фарфоров, но и не уходилось восвояси. Хотел тив Удаз от леди Джойаны странного, а чего именно – не говорил.

– Я вас продолжаю внимательно слушать, – любезно намекнула женщина. – Очень внимательно.

«Скажи быстрее и убирайся прочь, одержимый».

– У меня для вас послание от тива Хереварда, миледи. Соблаговолите.

Он вытащил из широкого рукава свернутую в трубочку бумагу, связанную лиловой ленточкой. Ах, вы ж только поглядите, как символично у нас все! Не в конверте, нет, а именно так – по моде двухвековой давности – с шелковыми ленточками. Мол, знай, мотылек-однодневка, с кем схлестнулась. Знаем мы, все мы знаем.

Джона взяла бумагу в руки с нескрываемой опаской, точно отравленный обоюдоострый нож. Кстати, именно два века назад в моде были убийства при помощи пропитанных ядом книг или одежды. Тив Херевард должен хорошо помнить.

– Ознакомьтесь и дайте ответ.

Обычно бесцветный, тив, казалось, обрел не только боевой окрас, но и увеличился в размерах, преисполненный гордости оказанной ему честью. Высшие эсмонды кому попало такие серьезные дела не поручают.

«Миледи!

У вас есть замечательный шанс раз и навсегда избавить себя от любых возможных притеснений со стороны недоброжелателей из числа Эсмонд-Круга. Уверен в вашем исключительном благоразумии, ибо матери ДВОИХ детей положено думать прежде всего об их всяческом благополучии. С нетерпением жду Вашего решения.

Слуга Предвечного на земле Херевард».

Читая это письмо, Джона не только слышала глуховатый, с придыханием голос эсмонда, но и видела его тонкое породистое лицо – высокие скулы, аккуратно подстриженная борода, золотой блеск глаз. Диллайн, в чьей крови течет чистая магия, божественная и святая. Одержимый Верой и непреклонный во всем, что касается служения Предвечному.

Полжизни назад, ее, Джоны, коротенькой жизни, Благословенный Святой тив Херевард решил судьбу девушки-шуриа, сняв с нее все обвинения и выдав драгоценную Оркену. Жалел, должно быть, потом так, что словами не передать.

– Спасибо, преподобный, – проворковала графиня. – Разумеется, я встречу с Херевардом.

Тот чуть собственным языком не подавился от возмущения:

– С Благословенным Святым Тивом Херевардом, – поправил священник.

– Точно. Вот с ним.

Веселая, радостная злость растекалась горячим сиропом под кожей Джоны.

– Передавайте привет ему огромный от меня.

И насильно втокнула в ладонь собеседника скомканную бумажку. Точно обтрепанную ассигнацию самого малого номинала в загребушую лапу хозяина ломбарда.

«Заберите эту грязь, сударь!»

– В Санниве скоро встретимся и все обсудим.

Тив ошалел.

– Так и сказать? Слово в слово?

Бесшабашное, самого низкого пошиба бешенство охватило женщину с головы до ног, точно огонь – ствол дерева. Нет сил ни сдержаться, ни промолчать.

– Непременно! Только так. И воздушный поцелуй в придачу.

С силой шлепнула себя по губам и звонко чмокнула теплый воздух.

Получилось так непристойно, что преподобный отшатнулся. И не столько смутившись грубого жеста, сколько звериной мути в шальных глазах женщины. Будто кошка человеческим голосом сказала нецензурное слово.

– Всего наилучшего, миледи. Прощайте.

– Прощайте, тив.

Херевард посмел угрожать ее детям. И если Раммана эсмонд тронуть не осмелится, то Идгард – в полной его власти, в полнейшей. Всегда был, с тех пор как Херевард узнал, что у горестной вдовицы уже после смерти мужа взял и родился сын. По срокам все в рамках, но все равно очень сомнительно. Так, конечно, бывает, хотя бы просто потому, что на свете есть превеликое множество мужчин, любой из которых может согреть постель леди Янамари, раз уж место на супружеском ложе вакантно. Но раньше эсмонд не стремился пользоваться своим знанием как запрещенным приемом.

«Лерден! Мерзавец! Что в твоём архиве? В какую сокровищницу ты успел влезть? В чьи тайны заглянул?» – мысленно вскричала Джона, провожая взглядом Удаза.

Какая жалость, что не может леди Янамари призвать дух казненного заговорщика и допросить его с пристрастием. Потому что не шаманка. Духи сами приходят к ней, когда им заблагорассудится.

Хотя с происхождением тайн все ясно, как день-деньской. У диллайн всего вдосталь – и магии, и власти, и, следовательно, тайн. Страшных-престрашных, древних-преддревних. В цепкие изящные лапки Лердена Гарби попало что-то воистину уникальное и смертельно опасное.

«Лерден, тебе хорошо, у тебя голова больше не болит. А у меня вот-вот разыграется мигрень, очень тяжелая мигрень. Называется она – гнев Святого тива и всего Эсмонд-Круга».

Вот теперь как хотите, миледи Янамари, так и вертитесь, чтобы выжить. Архив Гарби вам – щит и меч. Выполнишь «просьбу» Хереварда – пропадешь, а нет – изничтожит.

Грэйн ир-Марен

– Еще чаю, сестрица?

– Благодарю, но нет, – Грэйн решительно отодвинула от себя чашку. Кровь Локки! Соблюдение традиций и семейственность в крови у ролфи, но всему должен быть предел. Десятую обильно приправленную страхом и неприязнью чашку за два часа Грэйн может и не пережить.

Милое чаепитие в доме ир-Кэйленов не складывалось. Поначалу хотя бы Бэйни пыталась что-то мило щебетать, не слишком убедительно демонстрируя радость от встречи со старшей сестрой и поминутно оглядываясь на своего насупившегося чопорного супруга, однако ее старания никто не поддержал. Огромные напольные часы гулко отзвонили три пополудни, Грэйн подавила зевоту, машинально кивая в такт сестрицыным речам. Наконец Бэйни иссякла, и молчание за столом стало поистине гнетущим. Лишь позвякивание фарфора да громкое тиканье дубового монстра в углу нарушали его, а бронзовая минутная стрелка неумолимо притягивала к себе взоры.

Бэйни звякнула ложечкой о блюде.

Элейн тихонько вздохнула.

Терлак ир-Кэйлен кашлянул и поерзал на стуле.

Грэйн хмыкнула и выжидающе приподняла бровь. Родственники настолько явно демонстрировали желание что-то ей сказать, что, казалось, вот-вот – и пожертвуют достоинством и этикетом. А раз так, она не собирается им помогать. Нет-нет, сами, все сами. И без слов понятно, что прапорщику ир-Марен здесь не рады, да она и не собиралась задерживаться в доме сестры дольше, чем того требуют приличия, однако любопытно было бы послушать, как именно извернется ир-Кэйлен, чтоб, не рискуя шкурой и репутацией, указать неудобной свояченице на дверь.

Терлак снова кашлянул, на этот раз уже откровенно делая некие знаки жене. Элейн ир-Марен отвернулась и принялась задумчиво созерцать мокрый снег за окном. Острова преподнесли своим обитателям очередной сюрприз – славное весеннее утро после полудня стало холодным пасмурным днем, ветер пригнал с залива Мэрддин караван низких серых туч, и хлопьями повалил снег. Отличная погодка для теплой семейной встречи, не так ли?

– Э-э... – начала было Бэйни, но запнулась и отчаянно покосилась на мужа.

Грэйн с интересом склонила голову к плечу:

– Да?

Видимо, Кэйлен все-таки пнул Бэйни ногой под столом, потому что она чуть ли не подскочила на стуле и выпалила:

– Ты останешься на ужин, сестра?!

Получилось настолько громко и смешно, что на Терлака опять напал приступ кашля, Элейн вздрогнула, а Бэйни испуганно заткнулась и вытаращила глаза. Грэйн с ухмылкой выдержала паузу, насмешливо прищурившись и глядя в упор на зятя, пока тот не отвел взгляд. Только тогда девушка аккуратно свернула и отложила салфетку, откинулась на спинку стула и промолвила:

– Увы, Бэйни, я не могу пока знать, чего именно потребуют от меня интересы Короны. Возможно, мне предстоит провести в Эйнсли несколько дней в ожидании нового назначения. Или месяцев. Порой офицеры Собственной Е.С.О. Канцелярии бывают весьма неторопливы.

– То есть... – Эбэйни сглотнула и снова покосилась в сторону Терлака. – То есть, сестра, ты планируешь... остановиться здесь?

Ничего подобного Грэйни, конечно же, не планировала – по сравнению с этим домом даже промозглый форт Логан казался ей славным теплым местечком с приветливыми и дружелюб-

ными обитателями, но одно из любимейших развлечений настоящих ролфи – это поиграть с добычей. А они были добычей, эти ир-Кэйлены, дичью беззащитной и беспомощной. Кролики, но никак не волки. Локка не поймет, если ее посвященная откажет себе в этом маленьком удовольствии.

– Полагаю, в Канцелярии возникнут ненужные вопросы, если я, имея столь... м-м-м... – она повела рукой, подбирая эпитет, – достойную родню, стану вдруг снимать меблированные комнаты. Я так давно не видела вас обеих. Мы могли бы гулять с тобой... разговаривать... почти как в старые добрые времена! Разве что, – и обеспокоенно нахмурилась, – разве что я тебя стесню здесь, дорогая сестра?

И улыбнулась, предлагая родственникам сделать следующий ход. Но те не поддержали великодушное предложение поиграть, а предпочли кто сразу сбежать, а кто ринуться в бой.

Терлак загремел стулом, выбираясь из-за стола.

– Извините! – буркнул он и потопал к двери. – Дела!

– Кстати, о делах, – Грэйи с наслаждением выстрелила ему в спину окликом. – Полагаю, нам с тобой есть что обсудить, дорогой зять. Насколько я поняла, дела нашей семьи ведешь ты?

– Эм-м... – прогудел ир-Кэйлен, не оборачиваясь. Плечи его вздрагивали. – Да. Да, веду. Но почему вы интересуетесь, п-посвященная?

– Что за вопросы для делового человека, дорогой ир-Кэйлен? – она сверкнула зубами в улыбке. – И так поспешно! Думаю, есть смысл обсуждать такие вещи наедине, не тревожа домочадцев столь низменными материями, как деньги. Я зайду к тебе в кабинет чуть позже, почтенный Терлак. Буду признательна, если ты уже подготовишь необходимые бумаги за... хм... ну хотя бы последнее пятилетие.

Взгляд дорогого зятя, все-таки брошенный через плечо, яростью так и пылал. Грэйи в ответ показала зубы. Улыбаться ему дальше в ее планы не входило.

И не успела хлопнуть дверь за согнутой спиной почтенного ир-Кэйлена, как зубы показала и младшая сестра. Эбэйи вскочила и оскалилась не хуже настоящей волчицы, глаза ее налились зеленью, а в голосе заклокотало рычание:

– Ты! Как смеешь ты оскорблять моего дорогого мужа!

– Очень дорогого мужа, – тихонечко хмыкнула Грэйи себе под нос, наслаждаясь представлением.

– Ты бросила нас и шлялась невесть где целых три пятилетия! Ты!..

– И каждый год из этих пятнадцати вы получали мое жалованье, – все так же негромко вставила Грэйи.

– И теперь в моем доме ты смеешь оскорблять моего мужа грязными намеками! Да я...

– Сядь и заткнись, Бэйи, – не повышая голоса, но на этот раз по-настоящему зло бросила старшая сестра. – Ты забываешься, моя дорогая. Что стало с тобой? Не помню, чтоб малышка Бэйи была раньше такой глупой визгливой овцой. Ну да ладно. Объясни-ка мне лучше, почему в этом доме, построенном, заметь, на наше общее наследство и на мои деньги тоже, ты и твой муж, которого ты получила только потому, что я обеспечила тебе приданое, позволяете себе унижать нашу мать?

– Грэйи, не надо, – попросила Элейи, слабо всплеснув руками.

– О нет, матушка, надо! – Грэйи прищурилась. – Кровь Локки, пятнадцать лет моей жизни отдано ради того, чтоб теперь любимая младшая дочь обряжала вас в свои обноски, матушка, и держала тут в роли приживалки! Меж тем моя служба вполне могла обеспечить вам достойное содержание, сударыня!

– Грэйи, твой долг как старшей...

– Мой долг как старшей сестры оплачен сполна, – отрубил прaporщик ир-Марен. – Раз волей богов мне пришлось занять место отца, я сделала достаточно, чтоб Бэйи не испытывала нужды ни в чем. В конце концов, я выдала ее замуж. И единственный долг, который за мной

остался, это дочерний. Вот как раз им я и займусь теперь, матушка. И для начала как следует прижму эту зарвавшуюся шавку¹², твоего драгоценного супруга, сестренка. Нет уж, не стоит тебе так скалиться на меня, Бэйни. Зубки туповаты.

– Ах! – воскликнула Эбэйн и стремительно выбежала из столовой. Грэйн проводила ее усмешкой и повернулась к матери.

– Ты поразительно похожа на своего отца, – помолчав и несколько нервно разгладив складку на подоле и впрямь изрядно поношенного платья, промолвила вдова Кэдвен, не глядя на старшую дочь. – Особенно теперь, в этом мундире... с саблей... Его волосы, глаза и линия бровей, и эта привычка поджимать губу. Ты куришь?

– Да, – ответила она и впрямь поджала нижнюю губу. – Отцовскую трубку.

– А! – Элейн понимающе усмехнулась. – Так и не простила мне, да? Я виновата перед тобой, дочь. Я так и не смогла полюбить тебя, ведь ты с самого рождения была слишком на него похожа. А его... его я тоже так и не смогла полюбить. Нет, не перебивай. Дай мне сказать. Я всегда знала, что ты выберешь для себя путь, подобный его пути, и однажды явишься, так же как он, в мою жизнь и сломаешь ее. Что бы я ни делала, мне не изменить то, что решили боги. Им угодно было возродить Сэйварда эрн-Кэдвена в тебе, сделать его наследницей... так бойся же кончить, как он!

– Вы пророчествуете, матушка, или проклинаете? – сухо спросила Грэйн, изрядно задетая ее словами. Право же, подозрения насчет истинных чувств матери к отцу жили в Грэйн всегда, но никак не ожидала она, что Элейн их вот так просто подтвердит. – Итак, вы не любите моего отца. Прекрасно. Отчего же тогда вы стали его женой?

– Милостивая Глэнна, дочь! Уж не думаешь ли ты, что мое согласие кого-то интересовало? – мать зло прищурилась. – Он явился к нам в дом, звеня палахом, овеянный славой и пропахший порохом и кровью своих побед, и чуть ли не прямо приказал: «Эй, ты, торгаш! А подай-ка мне вот эту!» Кто был мой отец, чтоб отказывать благородному эрну, посвященному Морайг и герою битвы в заливе Брэнгви? Жалкий купчишка всего лишь. И кто была я? Красивая, но дешевая подделка под его высокородную возлюбленную, которой он так романтично поклонялся. Такая партия, такой случай! А потом – всего лишь месяц в этом унылом бесплодном Кэдвене, месяц с незнакомцем, удравшим при первом же звуке военной трубы! И беременность, и ты... И он – наездами, налетчик, а не муж. И едва лишь я начала действительно привыкать к такой жизни, как он вдруг оказался предателем и трусом, осужденным и проклятым всеми, мертвым притом!

– Мой отец не был предателем!

– А мне-то какая разница, Грэйн, предатель он или оболганный герой? – Элейн коротко рассмеялась. – Он появился в моей жизни и разрушил ее. И то же теперь хочешь сделать ты! Оставь меня, Грэйн эрна Кэдвен. Вашей породе неведомо слово «милосердие», но все же попытайся понять. Я не хочу твоей помощи, меня не нужно защищать. Оставь меня и ступай своей дорогой. Здесь, с моей Бэйни и ее мужем, я наконец-то обрела дом и покой. Большого мне не надо.

– Он ведь ободрал вас, сударыня, этот ир-Кэйлен.

– Разве у нашей семьи оставалось хоть что-то, что можно было забрать? – она поморщилась.

– Ну, как же, – холодно напомнила Грэйн. – Ваше приданое ведь не было конфисковано. Пакгаузы, сударыня.

– Они же сгорели почти сразу, – Элейн пожала плечами. – Право, это просто смешно.

– И впрямь смешно, матушка. Смешно, что купеческая дочь помнит о пакгаузах, но совсем забыла о земле, на которой они стояли. Склады сгорели, да, но земля осталась. Наше

¹² Игра слов. В языке ролфи Кейлен означает «молодой пес, щенок».

единственное наследство, которое ир-Кэйлен прибрал к рукам. Вы можете считать что угодно, но я полагаю, что ваш зять изволил обобрать *меня*. Я отдала Локке три пятилетия и теперь вправе распоряжаться собственностью, как если бы была мужчиной. Поэтому я потребую у почтенного Терлака подробного отчета, как именно он все эти годы управлялся с последним достоянием вдовы и детей капитана эрн-Кэдвена. Немедленно. И ваше положение в этом прекрасном доме здесь совершенно ни при чем! – Грэйи встала и коротко склонила голову в очень официальном поклоне. – Полагаю, нам с вами больше нечего обсуждать. Прощайте, матушка. Рада была повидать вас.

Сказать по чести, Грэйи было мерзко и стыдно, так, словно она по собственной воле полезла в переполненную уборную за оброненным золотым да так ничего и не нашла, лишь изволилась в дерьме по уши. В общем-то, так оно и было. И осознание того, что немалая часть этого дерьма – твое собственное, ничуть не утешало, а делало ситуацию в целом еще гаже. Да, попытка лаять по-собачьи вполне удалась, но чем тут гордиться? Разве отец не сплюнет презрительно, буде доведется ему из Чертогов Оддэйна услышать, как старшая его дочь измеряет величину семейного долга в монетах и ассигнациях? И что с того, если иного языка шавки-Кэйлены просто не понимают? Тявканье от этого благородней не станет!

Однако раз уж ввязалась в драку, изволь довести ее до конца. С такими вот мыслями Грэйи и отправилась в кабинет почтенного зятя. Матушка может сколь угодно долго именовать свою жизнь достойной, но посвященная Локки Грэйи уже стоит по меньшей мере на одну ступень выше безземельной вдовы предателя, а потому только ей теперь решать, что достойно, а что – не слишком.

Обращенное на саму себя чувство вины и гадливости требовало действий – сейчас, немедленно! – и потому девушку отнюдь не порадовал тот факт, что ир-Кэйлен не осмелился запереться в кабинете. Ну что стоило ему защелкнуть замок и придвинуть к двери какой-нибудь комод! Грэйи разнесла бы преграду в щепки, дала бы выход ролфийскому бешенству и вновь обрела хладнокровное душевное равновесие. Но дверь оказалась даже приоткрыта, а значит... Значит, вместо мебели придется бить зятя. Мало что истинные ролфи уважают во врагах, но доблесть ценят издревле. И у быющих до последнего отважных противников всегда было гораздо больше шансов сохранить жизнь и даже свободу, чем у трусов, малодушно спускающих флаг. Сколько кровавых расправ над сдавшимися без боя пленными хранят ролфийские предания! Не меньше, пожалуй, чем рассказов о почестях, оказанных доблестным врагам. *Посмертных* почестях, разумеется. Но к Терлаку ир-Кэйлену все это ни в коей мере не относилось: он не был ни врагом, ни другом, ни даже мерзкой гадиной, вроде подлых шуриа – да будет проклято навек их поганое племя! – а был всего лишь паразитом, наподобие блохи или кишечного червя. С паразитами не воюют, их просто давят.

Так и Грэйи не стала миндальничать и плести кружево долгих речей, полных намеков и угроз. Рыпнувшийся было по глупости угощать «любезную сестрицу» драгоценной заморской кадфой¹³ ир-Кэйлен был сперва фигурально, а затем и буквально взят за горло. Кадфа пришлась кстати. Добыть сей сугубо имперский напиток в Ролэнси можно было лишь контрабандой и за сумасшедшие деньги, которых у средней руки купца вроде ир-Кэйлена водиться не могло, следовательно – контрабандой потихоньку приторговывал он сам. Законы Вилдайра Эмриса контрабандистов приравнивали к пиратам, а пойманных, да еще и с поличным, власти вешали безжалостно и быстро. Вконец освирепевшая Грэйи, пожалуй, и отволокла бы зятя в ближайший участок лично, держа за шкурку: собаке – собачья смерть! Но остановило ее все же не столько нежелание увидеть Эбэйи вдовой, сколько понимание, что два осужденных преступника в одном семействе – это уже слишком. Так что пришлось ограничиться родственным

¹³ Кадфа – напиток, аналогичный нашему кофе.

внушением: подняв гаденыша за глотку, приложить об стену и вылить ему на голову весь кувшин черной, как душа пройдохи, «имперской смолы», а когда он упал и заскулил, пресмыкаясь, от всего сердца добавить сапогом по ребрам. Отведя душеньку, Грэйи быстро обыскала кабинет ир-Кэйлена и почти сразу же нашла интересовавшие ее бумаги.

– Ворюга, – уже почти беззлобно рыкнула она, засунув получившийся сверток за пазуху. – Ты вернешь моей матушке все до арса, иначе я своими руками наброшу веревку на твою шею. И прослежу, чтоб она сломалась не слишком быстро.

Сплюнула напоследок и вышла вон. Уже неважно, что капиталов прапорщика ир-Марен хватит в лучшем случае на пару дней пребывания в столичной гостинице, «достойной ее положения», как было предписано; в доме вора и контрабандиста она не задержится и на лишний вдох. А там... на все воля Локки!

В древнем воинском уложении ролфи, некогда прилежно изученном Грэйи, прямо сказано: «В безнадежной схватке отступи и положишься на богов, выжидая; не только доблесть мила богам, но и разум. Побеждает тот, кто выжил; лишь мертвый побежден навсегда». Девушка всегда считала этот пассаж несколько спорным, однако на сей раз воля богов проявилась довольно скоро. Всего лишь пара шагов за дверь дома ир-Кэйлена – и Грэйи практически столкнулась с нарочным.

– Посвященная госпожа, вам надлежит следовать за мной, – на словах озвучил порученец протянутое ей предписание. – Вас ожидают.

Грэйи спокойно оглядела предназначенную для ее доставки черную карету без гербов и, пожав плечами, покорно в нее села. Печать на бумагах прямо говорила о том, что и верно, ее ожидают. А раз так, следует без слов подчиниться. За тем и приехала, что ж неясного?

Джойана Алэя Янамари

Вот тебе и спряталась, вот тебе и отсиделась в уютной норе.

И сколько ни внушала себе леди Янамари, что намеки Хереварда не более чем попытка спугнуть ее, словно дичь, подвигнуть на неразумные поступки и панику, но до конца успокоиться у нее не получалось. Пусть несведущие и предвзятые верят в детские сказки про то, что у детей луны Шиларджи змеиная медленная кровь – холодная и ядовитая. А на самом-то деле у *Третьих* страхи и волнения втрое сильнее и ярче, чем у остальных людей. Ненадежно связанная к телу душа подобна слишком большому полотнищу флага на тонком древке – того и гляди, порыв резкого ветра вырвет из рук.

Джона боялась не за себя. В конце концов, ее жизнь может прерваться уже завтра, и тив Херевард останется с носом. Он и сам об этом прекрасно знает. Потому и заслал к Джойане знакомого человека. Намек тонкий и прозрачный, осталось только дожидаться, когда перепуганная жертва наведет на искомое сокровище. Даже если графиня Янамари не в курсе, ее активный интерес можно стимулировать с другой стороны. Достаточно настойчиво полюбопытствовать, от кого она прижила маленького мальчика? А кто ищет, тот всегда найдет, верно?

Джона мерила шагами ковер кроваво-красных тонов, теребила атласную ленту чепца, то порываясь содрать с головы убор, то, напротив, потуже затягивая узел банта.

И решение зрело в ней, подобно плоду во чреве. Надо ехать в Санниву и приниматься за самое кропотливое «рукоделие» светской женщины – за плетение тонкой интриги. Иного пути нет, кроме как извернуться по-змеиному прихотливо, чтобы посторонний глаз не догадался, где голова и где хвост: найти архив Гарби и одновременно убедить эсмондов в своей неосведомленности, собрать возле себя остатки разгромленной партии заговорщиков и прикинуться лояльной. Сложно, но если постараться...

Кстати, помириться с императором довольно легко – выйти замуж, передав все права на Янамари Рамману. Его императорскому величеству Атэлмару невыносимо видеть, а еще сложнее смириться с тем, что целое графство находится в руках шуриа. Пусть бы женщины, но чтобы еще и Проклятой... Нет, нет, только не это!

А скоро начнутся весенние балы – лучшее место для того, чтобы присмотреть себе подходящего мужа. Такого, который согласится усыновить Идгарда. Главное, выдвинуть потенциальному супругу привлекательные условия. С умным мужчиной всегда можно договориться.

В столицу со всего Синтафа приедут женихи и невесты – наивные девы и опытные матроны, трепетные юнцы и прожженные охотники за приданым. Всем будет весело и нескучно. Весна все-таки, пора любви, в том числе и у змей. Не следует также забывать про Майский Карнавал – время, когда в самое хладное сердце может проникнуть любовный яд...

Первый в жизни Карнавал, его захочешь – не забудешь. За пестрой маской, расшитой бисером и пайетками, не разглядишь характерных черт. Шуриа или диллайн, ролфи или полукровка, разницы нет, кого целовать в пахнущие сладким вином уста, кого кружить в сумасшедшей пляске. И даже если порвется ленточка и маска свалится, никто не заметит, а заметит – хмель наведет морок и застит глаза золотистой пеленой иллюзии. Три дня безумств, три дня безнаказанности, три дня невозможных чудес. Джоне было четырнадцать. Уже или еще – это как посмотреть. Женщина в теле ребенка или наоборот. И ребенок этот знал о смерти практически все, а женщина почти ничего не ведала о жизни. Им вместе было ужасно тесно и неудобно, а порознь – страшно.

Элишва в приступе щедрости и материнской любви не только накупила сластей и всяких побрякушек, но и позволила дочери впервые нарядиться как взрослой. Вышитые чулки, туфли на высоком каблуке, вырез декольте, прикрытый кружевной косынкой не столько от алчных,

сколько от насмешливых взглядов. Ах, и еще раз ах! Служанка и мать насилу юную леди Джону от зеркала оторвали. Женщина, прятая в невзрачном подростковом возрасте, впервые заявила о себе. Разумеется, на костлявую девчонку никто внимания не обращал, да ей оно и не требовалось, успевай только вовремя захлопывать раскрытый от удивления рот. Бесстыжие улыбки на лицах диллайн, пьяная беспечность ролфи и откровенная жажда плотских утех в каждом жесте, в каждом слове. Они все словно сошли с ума, утратив самую свою суть, перестали быть разными. Женщина в Джоне благополучно пробудилась, и первым, кого она увидела, был... Аластар Дагманд Эск. Словно Совиная Луна Дилах упала с небес прямо в ладони – обожгла до костей.

Так птенцы, только что вылупившиеся из яйца, навсегда запечатлевают образ родителя.

Он пил вино прямо из бутылки и молча улыбался стройной белокурой даме, сидящей у него же на коленях. Удивительно, как Джона вообще умудрилась разглядеть графа Эска из-за спин толкавшихся вокруг хохочущих женщин, наперебой предлагающих себя.

– Кто это? – тихо, но очень настойчиво спросила девочка у матери.

– Великие Духи! Джона! Не показывай пальцем! – прошипела Элишва, шлепая дочь по рукам. – Это же сам Аластар Дагманд граф Эск, князь диллайн.

– Так граф или князь?

– Он – князь крови, глупая. Чистокровный диллайн!

Кровь! То, что превыше всего ценят *Первые*. Пожалуй, такими они все и были – высокими, желтоглазыми, с чертами, речами и жестами резкими, почти птичьими, когда огнем и мечом смели ролфи и воссели на престол Синтафа по праву победителя. В основном, конечно, огнем, и мечом ровно настолько, чтобы блеснуть искусством благородного поединка. Огнестрельное оружие в руках диллайн сразу же склонило чашу весов в их пользу. А ролфи, прекрасно помня о незавидной участи шуриа, предпочли покориться заведомо более сильному врагу. Склонить голову, но не сдаться, чтобы сберечь не форму, но глубинную суть.

– Он красивый? – зачарованно прошептала Джона.

Элишва раздумывала недолго, но ответила уклончиво:

– Крайность по-своему прекрасна. Особенной красотой, если угодно.

Родительница не понимала, насколько оказалась права. Аластар – крайность, он то, что называется «слишком», предел всему...

Вся во власти воспоминаний, Джона забыла на миг, где она находится. Поэтому от жуткого звука, раздавшегося за спиной, ее инстинктивно развернуло на месте.

«А-р-р-р... Шуриа! И тут шуриа! Кровь Локки!»

Будто на огромную раскаленную сковородку плеснули ледяной водой. Это еще что такое?! Белая коса, черные латы, грязный, закопченный плащ, зеленый камень в черной рукояти меча – тут не перепутаешь даже спяну – дух одного из отцовских предков собственной персоной. Прапра-, а то трижды «пра-» дедушка, если судить по фасону доспехов.

«Змеище! Пробралась-таки! Свила гнездо!» – разорвался призрак ролфи так, что у леди Янамари в ушах звенело. – *Недотопили, значит, недодушили вас, твари ползучие! Где мой замок? Где мои наследники? Всех извела?»*

Спорить, а уже тем паче ругаться с разгневанными призраками – дело безнадежное.

«Изыди, мертвец! Иди, откуда пришел! Немедля к Оддэйну ступай!» – прикрикнула на бешеного духа Джона и добавила несколько слов на самом древнем языке этого мира, на языке шуриа. О нет! Никакого колдовства. Когда-то в незапамятные времена Дети Шиларджи в сердцах так посылали друг друга подальше. А потом оказалось, что и на призраков сей экзорцизм действует отлично.

Не тут-то было! Гневный дух далекого предка только еще больше разозлился.

«Можешь шипеть сколько угодно, подлая змеюка! Кончается ваше время!»

Прапрадедушка попытался одним ударом меча развалить надвое проклятую шуриа и очень удивился, когда у него ничего не вышло с затеей.

«Ах ты, мерзкая тварь! – возмутился призрак. – Клянусь Сворой Оддэйна, ты у меня попляшешь! Отымею и выпущу кишки!»

Конечно, серьезного вреда он причинить не мог, но, когда сквозь тебя проходит прозрачное лезвие тени меча, ощущение тошнотворное.

Кровожадный предок, похоже, совсем не понимал, что уже много веков мертв. Так бывает, когда человек погиб насильственной смертью и не погребен подобающим образом.

«Ты сожгла меня заживо, ядовитая змея, ты долго таилась и ударила в спину! У! Ненавижу!»

Как же он ненавидел! Самозабвенно, страшно, запредельно. Сам себе костер: пламя, дым и пепел.

В кабинете вдруг отчетливо запахло горелой плотью и волосами. Отвратительная вонь... жар... огонь... боль... рвущий горло последний крик. Джону скрутило судорогой, чужое мучение связало по рукам и ногам, а в глотку текла кровь – своя и чужая. Такая же соленая и приятная, как у живых. Пей, шуриа, пей их призрачную кровь, пей их тоску. Смотри, не захлебнись!

«Топишь вас, ползучее отродье, топишь, а вы все лезете и лезете», – орал дух прашура откуда-то издалека, но Джону накрыла волна беспамятства и утянула в глубины времен, в память тех, кого уже давно нет на свете...

...Февральской стылой ночью они ворвались в крошечный городок, точно волчья стая, убивая всех на своем пути. Они и есть волки в человеческом теле. Волки-ролфи резали ненавистных шуриа... Нет! Не нужно врать и хвастаться – совсем не как волки в овчарне. Шуриа далеко не овцы. Они защищались отчаянно, остервенело. Безумные и проклятые шуриа! Ему пришлось разрубить мальчишку-подростка надвое, прежде чем добрался до лакомого кусочка. Оддэйн знает, сколько ей лет, этой глазастой гадюке, но когда разложил прямо на снегу рядом с трупами родни, оказалась невинной. Потом, вдоволь натешившись, накинуд девчонке на шею веревку, чтобы бежала следом собачонкой, и она бежала, оставляя за собой окровавленные отпечатки узких ступней. Он убивал, не в силах насытиться смертью проклятых, рубил наотмашь, так, чтобы девка видела, чтобы брызги летели прямо ей в лицо.

– Любуйся, тварь ползучая! Нравится?

А еще болтают, будто у ролфи волчьи глаза. У шуриа грязно-синие зенки хищных зверенышей, одинаковые у всех, равнодушные и злые даже у грудных младенцев.

– Не пялся! Выколю! Как твои паскудные родичи моему папаше. И соли насыплю.

Ударил наотмашь. Поцеловал? Нет! Укусил за разбитую губу. И нутро вновь сжалось от животной похоти. Да что же это делается?

– Это твоя змеиная волшба? Колдуешь?!

Эрн Янэмарэйн в своем праве мстить за отца. А девки на то и потребны, чтобы их иметь там, где за косу схватишь. Все равно утопит поутру, когда протрезвеет от кровавого хмеля.

И утопил бы. Голову уже сунул под воду. А она даже сопротивляться не могла, повисла в руках тряпичным кукленком. В черной воде длинные черные волосы, точно диковинные водоросли, плавали вперемешку с ледяной крошкой.

В последний момент дернул обратно – задыхающуюся, хрипящую, полумертвую, но не молящую о пощаде. А солнце, оно как раз всходило. Мог бы носом ткнуть, как кутенка, в малиновое зарево, сделал бы. Чтоб запомнила.

– Радуйся! Еще один день проживешь, проклятая. Как тебя там зовут?

– Дш... Джо... Джой...

– Джоэйн, значит, будешь...

...Женщина пела в ночи:

– Бор шумит за окном, злые ролфи бродят в нем. Баю-бай, засыпай...

Она прожила еще много-много дней. И ночей тоже. Дни как-то незаметно сложились в месяцы и годы.

Джозэйн! Никогда не отзывалась на это имя, даже когда нещадно бил, и когда стонал сквозь острые зубы, задыхаясь от страсти.

Ролфи – он. Выше на полторы головы, шкура в шрамах, каменные мышцы, белая грива и зеленые волчьи глаза. Великие Духи! И этот жестокий неукротимый зверь – ее муж?! Но все по закону. Эрн в своем праве. Хочет живую шуриа в свою постель? Никто слово против не скажет, а если смелости хватит заглядываться на чужой кусочек – милости просим в Круг Чести. Это у них называется любовью. Надо же!

И у того, который в колыбели еще лежит, режутся зубы. Не плачет, как дитя, а воет. Тоже будет ролфи, не нужно ждать срока, чтобы понять, чья кровь верх взяла.

– Бор шумит, река течет, скоро будет горячо...

А за окном в летнем небе только Дилах и Хела – чужие луны. Отвернулась Сизая Шиларджи от своих детей. Говорят, из рассветных земель, из-за теплого моря идут в Джезим дети Дилах – злые, страшные, во сто крат опаснее всех ролфи. Сойдутся они с *бешенными* – то-то будет потеха.

Шуриа тоже были жестокими. Иногда, забавы ради, можно было рассказать служанкам, что шуриа делали с пленными ролфи, чтобы девки в обморок валились. Очень смешно, очень. А ведь некоторые пленники умирали целую неделю. Очень медленно, очень.

Проклятие обходило ее стороной. Каждое утро она просыпалась под боком у ролфи как ни в чем не бывало. Его руки оказывались сильнее ночи и смерти.

– Не боишься? – спрашивала. – А ну как с покойницей пробудишься? Холодной, мерзкой...

А он хохотал, да залиvisto так:

– Ты не успеешь остыть после жаркой ночи-то.

Жаркими были и деньки. Целовал, бил, ревновал, ругал, учил, рядил в шелка, как куклу, во хмелю выгонял в одной исподней рубашке на мороз. Ролфи, зверь в человеческой шкуре, волк о двух ногах...

Ребенок зашелся в плаче.

– Хватит орать, отродье! Заткнись! Выродок!

Но так и не смогла утопить щенка в бадье. Несколько раз опускала, столько же раз доставала. Все-таки выносила под сердцем положенный срок.

– Живи, маленький ролфи. Может быть, ты будешь чуть лучше своего папаши.

А тот пьяный спал в сарае. Ну, умаялся за целый день мужчина, выпил лишку и прилег отдохнуть. Лето выдалось сухое, солома вспыхнула в один миг. Великие Духи! Как он кричал, какие кары сулил, прежде чем умолк навсегда.

Но без ролфи и его щенка прожила она недолго, совсем недолго...

«Зря не утопил. Зачем пожалел? Почему я тебя пожалел, Джозэйн?» – беззвучно кричал дух древнего эрна, безуспешно пытаясь сжать ледяными руками горло Джоны. Его лицо расплывалось от застилавших ее глаза слез.

«Ничего! Ролфи снова в силе. Они придут и отомстят. А тебя... тебя, змеюка, утопят! В море утопят. Медленно, постепенно, чтобы ты почувствовала каждую каплю воды в легких!»

– Мамочка! Мама! Не умирай! Не умирай! Пожалуйста!

Это голосил Идгард, мертвой хваткой вцепившись в платье Джоны. Бедный маленький соенок перепугался, должно быть, до смерти при виде корчащейся на полу матери.

Она оглянулась, моргая мокрыми ресницами часто-часто. Великие Духи! Рамман с топором, Юкин с пустым графином, учитель Харрик в обмороке лежит, дверь в щепы разбита, окно настежь. Что, собственно, происходит?

– Успокойся, милый, все в порядке, – прошептала леди Янэмарэйн...

Нет! Она – Янамари!

Вилдаир Эмрис, Священный Князь

Пузатый глиняный кувшин, на теплых боках которого среди затейливой росписи угадывались вплетенные в узор огненные руны, препятствующие остыванию напитка, ждал Священного Князя на маленьком столике в компании такой же кружки. Конри отлично знал, что Хозяин Архипелага ценит суровую простоту в быту, насколько возможна она для правителя. Впрочем, помимо этого Вилдаир Эмрис весьма уважал горячий черный эль с пряностями, напиток, всю прелесть которого способен оценить лишь житель продуваемых всеми ветрами Островов. Повелитель всех истинных ролфи этого мира ухмыльнулся и уселся в резное деревянное кресло с высокой спинкой, мимоходом погладив традиционные волчьи головы на подлокотниках, и пригубил эль. Неплохо было бы еще вытянуть ноги к камину, ну да ладно. Рэналд стоит в созданной богами и самим Эмрисом иерархии достаточно высоко, чтоб ненароком заметить так уютно расположившегося в его кабинете князя. Вилдаир же не любил, когда его видят без его на то воли, – полезная привычка, оставшаяся еще с имперских времен. Впрочем, вспоминать те годы, когда нынешний Священный Князь Ролэнси был всего-навсего старшим сыном и наследником императора Синтафа, он не любил еще больше. И не потому, что проиграл тогда. Диллайн сколько угодно могли кричать о том, что полукровка-ролфи оказался воистину *бешеным* по духу и сбежал на бесплодные Острова, не чуя ног, и чудом избежал имперского гнева – на деле выходило по-другому. Младший братец сам себя перехитрил, и десяти лет не продержавшись на захваченном престоле. Том самом престоле Синтафа, который Вилдайру был и даром не нужен – ни тогда, ни теперь. Да, это оказалось непросто – вернуть ролфи их собственную землю, а еще сложнее – вернуть самих ролфи сюда, в суровые северные края, где зимние дни коротки и сумрачны, словно мерцание свечи на ветру, и лишь серебряный свет Морайг озаряет заснеженные холмы и замерзшие болота. Сложно, да, но вполне по силам внуку эрны Лэнсилэйн, последней княгини ролфи.

Вилдаир беззвучно фыркнул в кружку. Содеянное им три столетия назад и в самом деле было смешным с точки зрения любого сына Морайг. Воистину, возмездие ходит разными тропами. Был у ролфи великий эрн Удэйн-Завоеватель – и Дева Сигрэйн, отдавшая свое сердце богам ради мести шуриа, скорой и страшной. Но был и великий эрн Кинэйд Злосчастный, проигравший войну пришельцам-диллайн, – и дочь его, эрна Лэнсилэйн, что отдала себя самое, свою девичью честь и княжескую гордость в надежде на месть совиному племени, пусть долгую, но неотвратимую. Так пусть же радуется славная бабка в Чертогах – ее жертва не была напрасной. Внук ее отлично сумел отомстить – и не намерен на этом останавливаться. Нужно было смирить себя и выждать, полагаясь на богов, дать мести созреть, чтоб она сама упала в руки, как спелый плод. О, поначалу диллайн все делали правильно! Не доверяя покоровшимся ролфи, запретили им носить мечи... да и много чего еще запретили. Например, учиться владению оружием. Но ролфи оказались хитрее. Запретен меч? Ну, что же... значит, мы назовем то, что носим на поясе, ножами. И вскоре даже юная дева, идя по воду, затыкала за пояс скейн в локоть длиной – а большего и не нужно в умелых руках. Нельзя учиться искусству воина? Пусть так! Под руками всегда остаются камни и бревна, а то и стога сена на вилах, метать которые ради забавы никто не запрещал – это же не оружие и уж точно не искусство! Приказано молиться единому богу диллайн? Печально. Но, впрочем – разве эсмонды не перемудрили, объявив исконно ролфийских богов приближенными-святыми их Предвечного? Эрна Лэнсилэйн прожила недолго, но право же, как много она успела! Вилдаир подумал вдруг, что неплохо бы заказать для своего кабинета портрет коварной княгини. Изображение Девы Сигрейн, с серпом в одной руке и кровоточащим сердцем – в другой, и так есть почти в каждом ролфийском доме. И как хорошо смотрелась бы рядом бабушка с покорно склоненной перед диллайн

головой – и кукишем за спиной! Тоже славная страница из хроник ролфи. Всем народом показать покорителям фигу – это надо уметь.

Диллайн поверили не сразу, но все-таки поверили. Настолько, что разрешили и мечи, и ружья, и даже при императорском дворе появились отдельные гвардейские полки из верных и покорных ролфи. Какгодились эти гвардейцы Вилдайру Эмрису эрну Лэнси, когда наконец-то пришло время достать из ножен палаш и крикнуть: «В ком еще осталась волчья кровь – за мной!»

Разумеется, поначалу их было очень немного, тех, кто готов был пойти за ним в ледяной туман Островов. И, конечно же, среди них нашлись иные, кто пытался оспорить его власть. Поначалу. И были схватки, и грызня между своими, и не раз Вилдайру приходилось обнажать свой уже знаменитый палаш против родичей. Много чего было. Про него говорят, что князь ролфи любит вешать, но попробовали бы злопыхатели сами обойтись без жестоких законов и – да! – виселиц. Бешеный норов детей Морайг надобно держать в узде, иначе стая сперва загрызет вожака, а потом просто погибнет, пожрав самую себя. Все же просто: не воруй – и не будешь повешен, не предавай, не насилуй и не грабь. Не смей всего этого делать без приказа. А когда прикажут – сумей остановиться.

Ему удалось. И теперь, когда Ролэнси сильна и опасна, а стая – свирепа и покорна, пришло время двигаться дальше.

Джойана Алэйа Янамари

Господин Тиглат просил еще денег. Скорее всего, хитрый партизан написал сразу два письма и отправил их с разрывом в три дня, создавая видимость бурной деятельности.

«Сударыня! Ваша щедрость беспримерна и равна по величию только вашей же любви к нашей несчастной родине... Ля-ля-ля, трам-пам-пам... бу-бу-бу».

Бумага отсырела в дороге и провоняла насквозь рыбой, даже брать в руки ее противно, разве только двумя пальчиками, оттопырив мизинчик. И подальше, подальше от чуткого носа.

– Не давай ему ничего, – посоветовал Рамман, лениво протянувший ноги к теплу живого огня. Очень длинные и стройные, к слову, ноги, с хорошо развитой икроножной мышцей, как-товыми и предписывает нынешняя мода быть конечностям молодых людей благородного сословия.

Дверь починили, но всепроникающая весенняя сырость упорно сочилась в кабинет. Вот и пришлось растопить камин.

«Греешь-с-с-ся, змеюка?»

Приоткрыть один глаз, измерить призрака прохладным взглядом и мысленно процедить сквозь зубы: «А ты, я вижу, согрелся навсегда». Что еще нужно для приведения духа в бешенство? Пожалуй, только наглая ухмылочка на лице и в мыслях.

– Нельзя совсем ничего не давать. Иначе он найдет себе другого покровителя. Но не переживай, я буду экономна.

«Сдохни, тварь!»

У неупокоенных духов ролфи характер такой же отвратительный, как у их живых сородичей. И еще эта дурацкая манера махать оружием на собственную праправнучку.

«Ты совсем глупый, Эйккен эрн-Янэмарэйн? Еще не догадался, что твой меч не причинит мне никакого вреда?» – улыбнулась Джона, протягивая пахучее письмо сыну для неторопливой кремации.

Когда прошел первый шок от встречи с отцовским предком, настало время мрачного веселья, единственного доступного для шурия. Испокон веков духи мертвых врагов служили Третьим бесплатным развлечением и самой сладкой мстостью.

– Чем его доставили? Рыбным обозом? Фу!

«Тварь ползуч-ч-чая».

Джона вызывающе изогнулась по-змеиному и сделала свободной рукой некое струящееся движение.

– Скорее всего, его доставили на континент на рыболовецкой шхуне, отсюда и вонь...

– А значит, господин Тиглат основательно... обосновался на Шанте, – продолжил мысль матери Рамман. – Думаешь, ему и в самом деле требуется так много денег?

Юноша испытующе поглядел на Джону, прямо сквозь рычащего призрака. Слишком сурово для молодого наследника обширных земель, которому пока еще полагается всерьез размышлять лишь о принципиальной разнице между блондинками и брюнетками либо же об отсутствии таковой. Слишком знаком этот взгляд леди Алэйе – Бранд точно так же гнул бровь, осмысливая сказанное. Губы сжаты плотно, точь-в-точь как у...

«Шлюшка ты паршивая. Моя такая же была – все норвила глазки строить чужим мужикам», – глумливо оскалился дедуля.

Бабуле можно было только посочувствовать, ведь этот бешеный, должно быть, ее к каждой лавке ревновал.

«Заткнись, паленая шкура».

Жаль, никого нельзя убить дважды. А то бы Джона не устояла перед искушением избавиться от Эйккена эрн-Янэмарэйна раз и навсегда. Эта мстительная сволочь сумела уесть гра-

финю до самых печенок. Мало того что кровожадный прапрадедушка повадился являться в сны, он и днем покоя не давал. Разве полезет в горло кусок, когда вокруг стола бродит, громылая доспехами, призрак, комментируя каждое слово проклятой шуриа. И ходит и ходит, и бурчит и бурчит, и никакого сладу с этим дохлым ролфи. Вот напасть!

«Я – твоя прямая наследница, жареный пес. Забыл?»

Дед так яростно замахал своей ржавой ковырялкой, словно решил поиграть в ветряную мельницу. Задело его за живое, если так можно сказать о многовековом мертвеце, обидное прозвище. Будем знать, будем знать...

– Рамман, даже и не думай в этом направлении.

– Ты о чем?

И такое невинное личико, что хоть плачь от умиления. Пай-мальчика вырастила, видят Великие Духи.

– О том самом. Тебе напомнить о долге наследника, сын мой?

Чеканным интонациям Джона тоже выучилась у покойного мужа. У него, кстати, можно было учиться целыми днями всему на свете.

– Старшему сыну – землю, долг и честь, младшему – весь остальной мир?! У тебя совесть есть, мам?

«Всех уморила, змеюка. Под корень извела всех Янэмэрэйн. У-у-у-у! Детей, и тех прижила от диллайн. Надо было топить без всякой жалости...»

Показывать этому дураку паленому Оркену, что ли? Но стоит ли винить в предвзятости заскорузлого головореза, если цивилизованные современники первым делом возложили вину за смерть графа Тунора Янамари на его самую младшую дочь-шуриа? А на кого же еще думать, если все благородное и благополучное семейство мор в одночасье забрал, а прбклятая уцелела? Это при том, что от черной оспы шуриа мрут, как мухи в мороз. Само собой, первым делом вопрошающие взоры обратились на Джону, мол, где была и что делала, отчего живехонька-здоровехонька? Ответ был прост, как, собственно, всегда случается, когда в жизнь смертных вмешивается сама Судьба. Однажды Элишва все-таки не проснулась поутру, на радость своим пасынкам и падчерицам, которые не стали откладывать на долгий срок дело искоренения *проклятых* в своей семье. Пока Тунор горевал ипил страдание пополам с вином полуведерными чашами, Джону со служанкой выслали в уединенный загородный дом – место под названием «Жасминовая долина» и столь заброшенное, что, по мнению братцев и сестриц, шуриа там должна была зачахнуть от тоски уже через месяц. Прекрасный план. Сказано – сделано: Джона уехала, и ее место в Янамари заняла оспа. Забавно, да?

«Ничего не осталось от рода, от крови ролфи... всех под корень...» – сокрушался призрак, лязгая доспехами.

Какой же он шумный, этот противоречивый предок!

– Пока ты витаешь в высших сферах в Санниве, участвуешь в заговорах, вершишь судьбы мира и просто порхаешь из одной постели в другую...

Какой же ты деликатный и взрослый, сын мой!

«Ну я ж говорю – подстилка диллайнская!» – возликовал Эйккен.

Ба! Они же внешне похожи друг на друга – Рамман и этот полупрозрачный кусок ехидной сущности, осенило Джону. Вот она откуда, такая яркая ролфийская внешность у мальчика, в чьих жилах столь убывающе мало крови *Вторых*! Кому сказать!

«Топить и жечь! Жечь и топить!»

«А что ж ты так? Была ж возможность. Что теперь, спустя столько столетий, мечом махать? От тебя, Эйккен, видимо, и перешла моему папаше страсть к шуриа».

Дед перестал скалиться и рычать. Задумался? Неужели есть чем?

«Не смог. Она же не ревела, не просила пощадить, а кусалась и царапалась, что твоя дикая кошка...»

Джона ухмыльнулась: «А дедуля у нас затейник был. Любил грубые нежности».

На миг реальный мир застило изморозью, возвращая шуриа в прошлое эрна Эйккена, сквозь времена и века...

Тоненькая смуглая шейка с выступающей косточкой позвонка заворожила жестокого насильника и убийцу, точно волшебная руна на хрупкой ритуальной чаше. Рванул назад, прижался губами, сгорая от нестерпимого желания то ли одним укусом загрызть, то ли поцеловать. Бешеный ролфи, что с него возьмешь?

«Вот так все и было, – вздохнул дух. – Заворожила меня, змея подколотная. Дружинники роптали. Чуть не до бунта дошло. Никому ведь не дал даже пальцем прикоснуться или косо поглядеть... Пригрел аспидицу на груди. Эх!»

По крайней мере, еще одна семейная загадка благополучно разрешилась. Сколько лет Джона терзалась вопросом, почему же отец после трех жен самого достойного происхождения вдруг остановил свой выбор на чистокровной шуриа? Тунора сложно заподозрить в какой-то излишней сентиментальности. У него уже имелись законные наследники обоих полов – два взрослых сына и три дочери, он мог позволить себе увлечься женщиной *Третьих*. Его особо не взволновало даже то, что Джона унаследовала проклятье Внезапной Смерти. Тунор Алэя Янамари от силы трижды снизошел до разговора с младшенькой. Один раз Джона прочитала ему стишок. Кажется.

«Радуйся, что твой сын уцелел. Повезло ему – отец сожжен заживо, мать сбежала». Маленькому полукровке пришлось туго, сомнений быть не может. И он оказался достаточно живучим и сильным, чтобы вырасти среди ролфи и потом выгрызть зубами причитающееся по праву – замок, земли, титул. Наверняка ведь нашлось немало желающих припомнить нечестивую страсть отца к обыкновенной военной добыче. Ну а попрекали мамашей бедолагу до смертного одра.

«Ага! А потом бестолковые наследники в благодарность влили гнилой крови диллайн! – разозлился дедуля, подслушав мысли Джоны. – Изничтожили крепкий род! Сволочи безмозглые!»

Демонстративное молчание матери Рамман переносил тяжело. Миледи не умела долго таить обиду, но если уж просыпалась в ней знаменитая злопамятность *Третьих*, то – держись. Поэтому молодой человек решил нанести упредительный удар, то бишь напасть первым:

– И нечего на меня так смотреть! Как сидеть безвылазно в Янамари и ходить нянькой за младшим братом, так я взрослый, а как высказать свое мнение – так несмышленный ребенок. Это несправедливо! Скажешь, нет?

– Я не считаю тебя маленьким, Рамман, я лишь пытаюсь оградить тебя от вещей неприглядных и недостойных. Пример твоего отца должен служить суровым уроком, а ведь Бранд был гораздо опытнее и старше.

«Не забудь сказать парню, что законнорожденный только он, – не преминул напомнить призрак. – У! Подлое бабье племя, стоит только отвернуться, как вы наставите рога».

Призрак еще долго поносил самыми последними словами неблагодарных потомков и неверных жен, но графиня Янамари успела притерпеться к его грубости и хамству. В конце концов, она такого наслушалась в императорском дворце! Тамошние призраки ведут себя гораздо хуже и слов не выбирают, даром что почти все – королевских кровей.

– Я не могу потерять еще и тебя, Рамман.

– А я тебя могу?!

Тема проклятия была в их маленьком семействе под суровым запретом. Так жить проще и спокойнее. Однако не стоит думать, будто шуриа безразлична собственная жизнь и не страшит внезапная смерть, совсем нет. Они быстро покоряются неизбежности и все силы отдают на

поиски смысла и радостей жизни, а не на бесплодные сожаления о несправедливости судьбы. Их близким многократно тяжелее.

– Матерей не выбирают.

«Зато выбирают отцов. От него за пять шагов смердит диллайн».

«Нос заткни, Паленая Шкура», – мысленно рыкнула Джона.

– Я всего лишь прошу выслушать мои соображения относительно твоего участия в делах Шанты, – примирительно молвил юноша, присаживаясь в кресло напротив.

Все матери склонны видеть в своих детях исключительно достоинства и добродетели, Джойана в этом вопросе не считала себя исключением из правил.

«Ах, какой же ты убийственно красивый, – думала она, любуясь длинными ногами, шелковыми ресницами и тонким рисунком чувственных губ молодого человека, по чудесному стечению обстоятельств приходившегося ей сыном. – Сколько сердец будет разбито проходя, еще до того момента, когда ты осознаешь свою власть над женщинами. Не сосчитать! А уж потом... Но зачем, ну скажи, зачем ты лезешь в политику, в эту грязь и мерзость, если имеется возможность оставаться в стороне?»

Впрочем, Джона еще не успела забыть себя в столь же юном возрасте. Когда ей казалось, что пока она прозябает в провинции, возится с крикливым младенцем и следит за тем, сколько сахара кладет кухарка в варенье, жизнь, бурная и настоящая, проходит мимо. И, помнится, точно так же пришлось доказывать Бранду, что она ему в Санниве пригодится – и на балу, и в постели, и в интригах.

И как обидно видеть любимого сына, со всей юношеской страстью стремящегося наступить на те же грабли. Видимо, мы все просто неспособны учиться на чужих ошибках. До определенного возраста. И то, чаще всего, столь благое намерение остается всего лишь пожеланием, а не повседневной практикой.

– И что же, по твоему мнению, я делаю не так? – сдалась Джона.

– Прежде всего, мы доподлинно не знаем, что делается на Шанте. И все эти велеречивые заявления о страдающей под ролфийской пятой Родине – не более чем сказки ушлого агента. Который, не исключено, работает не только на тебя или, скажем, графа Эска. Помнишь ведь поговорку насчет нескольких телег для тонкостенных горшков?

– В двурушничестве господина Тиглата я даже не сомневаюсь.

– Ролфийского там только – одинокий гарнизон. Синтаф фактически оставил Шанту на произвол судьбы, пролив и море кишат каперами – нашими, конфедератов, Ролэнси и просто пиратами.

– Абсолютно с тобой согласна. И?

– Прежде чем слать деньги какому-то ловкому авантюристу, ты могла бы выяснить подлинную обстановку на острове. Вдруг ты и твоя помощь только вредит нашим... э... горцам?

Называться шуриа Рамман, к превеликому счастью, не мог. Проклятие его обошло стороной. Слава Великим Духам!

– Я всегда полагала, что черпаю информацию из источников, заслуживающих доверия, – уклончиво процедила несколько уязвленная графиня.

– Эск преследует собственные цели, не забывай.

– Аластар не стал бы меня обманывать, – мягко молвила Джона. – Уж поверь!

Призрак предка-ролфи аж затрясся от беззвучного хохота.

«Курица ты! Диллайн не обманывают, только когда юбки бабам задирают».

«Ты все-таки определись – курица или змея? – посоветовала женщина невозмутимо. – Или, может быть, дева-василиск?»

– У Эска свои резоны. Как и у князя Вилдайра, – отмахнулся Рамман, но вдруг перегнулся через стол и, приблизив свое лицо к лицу матери, прошептал: – Ты никогда не думала, почему ролфи до сих пор не прибрали Тэлэйт, то бишь Шанту, к рукам? А ведь они могли бы. Флот

Ролэнси по мощи давно сравнялся с синтафским. И что им стоит высадить десант, вырезать под корень последних шуриа и объявить остров своей собственностью?

«Выжечь змеиное гнездо! Выжечь раз и навсегда!» – радостно поддержал идею бесплотный дух.

А Джону насквозь продрало могильным холодом. Мальчишка, уже несколько лет носа не казавший из поместья, задавался теми же вопросами, что и они с Лерденом Гарби. И Рамман глядел в самый корень проблемы. Но если это в нем не говорила кровь отца, то что же?

«А губа у тебя не дура, змеюка!» – восхитился догадливый призрак. – *Абы перед кем ты не заголялась. Но могла бы и хорошего ролфи подыскать».*

– Я думаю, что на твой... остров у всех игроков свои планы. И заслуга господина Тиглата лишь в том, что он умудряется лавировать между ними и никому не попадаться на зуб, – продолжал юноша. – Я бы на твоём месте все же проверил, что он подразумевает под «поддержкой патриотов».

– Не забывай, я веду дела с Тиглатом и ему подобными личностями еще и потому, что ему покровительствуют наши союзники.

Рамман уставился на мать немигающим взглядом:

– Где были твои хваленые союзники, когда казнили Гарби?

И был прав.

– Беда в том, что настоящие правители Синтафа при дележе власти предпочитают меряться магией, а не калибром пушек и численностью линейных кораблей, – не стала скрывать горечи в голосе Джона.

– Синтаф распадается, мама. Называй вещи своими именами наконец-то. Гниет и разлагается.

Откуда, скажите на милость, откуда эти суровые скорбные складки на лбу юного графа?

С одной стороны, приятно знать, что твой мальчик вырос и с ним можно поговорить серьезно об очень серьезных вещах, а с другой – как объяснить ему, такому пылкому и считающему себя самым зорким и проницательным, всю сложность настоящей политической интриги. В целом все действительно выглядит ясно и понятно, но существует столько невидимых взаимосвязей, которые способны уничтожить любое, самое благое начинание. Не бывает абсолютных врагов, как не бывает исключительно правых и полностью виноватых. Взять хотя бы эсмондов. На первый взгляд им ничего не стоит избавиться от какой-то презренной шуриа, неудобной во всех отношениях графини. Наемный убийца или ловкий отравитель справится с женщиной в три счета. Но тив Херевард совсем не дурак и понимает, что за леди Янамари стоят влиятельные люди. Ее можно напугать, передав письмо через преподобного Удаза, можно даже отправить в изгнание, но эсмонд много раз подумает, прежде чем решится на столь важный шаг. Почти всю прошедшую ночь Джона глаз не сомкнула. Все думала и думала о письме и весомости и подлинном значении слов эсмонда. Для шуриа – подвиг, между прочим. Особенно когда вокруг кровати бродит неуспокоенный дух бешеного ролфи. Зрелище эффектное, но сильно отвлекает.

«Знаем мы бабские мысли. Как бы мужику в кошель и в штаны залезть».

«Будь добр, не гавкай».

– Мама?

Джона от неожиданности вздрогнула и поспешила улыбнуться. Когда шуриа впадают в глубокую задумчивость, то со стороны это выглядит крайне пугающе – один только немигающий взгляд, лишенный какого-либо выражения, чего стоит.

– Ты прав почти во всем, кроме собственного желания поваляться во всей этой грязи.

– Я не хочу...

– Да ты прямо-таки сгораешь от нетерпения очутиться в центре событий. Разве нет? Чувствуешь себя неуязвимым?

Рамману и хотелось бы солгать, изобразить лицом ролфийское презрение или диллайнскую надменность, но матери... нет, шуриа бесполезно врать об истинных чувствах и желаниях. Поэтому он только тяжело вздохнул и, честно глядя Джоне в глаза, сказал:

– Я не хочу сидеть сложа руки и ждать, когда все в моей жизни решат за меня.

– Не обольщайся. Все и решено без твоего спроса и разрешения. И без моего.

– А заговор Гарби?

– Рискованная вылазка в стан врага... Практически наугад. В надежде застать кое-кого врасплох и в одних подштанниках, – ответила предельно честно леди Янамари. – И эта попытка не удалась.

Джона развела руками в широком жесте, так чтобы взмах ладони пришелся прямо по носу присмирившему призраку эрна Янэмарэйна.

«У! Змеюка!»

«Не спать, Жареный, не спать!»

Нельзя этим духам спуску давать, пусть не забывает, кто тут живой, а кто – давным-давно мертвец.

– И что ты намерена делать?

– Я вернусь в Санниву и поступлю так, как считаю нужным.

Сказано было тоном, не терпящим ни вопросов, ни возражений.

Рамману ничего не оставалось, кроме как приложиться губами к перстню на пальце родительницы и, чопорно кивнув, выскользнуть из комнаты. В обширном «гардеробе» обликов Джойаны Алэйи имелся набор весьма крепких доспехов, и хотя извлекались они на свет крайне редко, но всегда по серьезному поводу. И под горячую руку графине лучше было не попадаться.

«А теперь, Жареный Пес, рассказывай, что ты там учуял такого? Что пробудило тебя от вечного сна? Или кто? И зачем?»

Наглый и шумный дух слегка опешил и даже попятился назад перед наступающей на него шуриа. Низкорослая шуплая женщина против рослого призрачного воина.

«Что-то я тебя, змеюка, совсем не пойму», – прошелестел он растерянно.

«Все ты понимаешь, ролфи. Не прикидывайся дурачком! Тебя ведь кто-то разбудил, кто-то вызвал из небытия. Кто? Кто-то из прислуги? Тив Удаз?»

«Ничего я тебе не скажу, шаманка проклятая».

Ах ты, какой упертый!

«Еще тысячу лет не видать тебе Чертогов Оддэйна, так и знай! Будешь скитаться меж небом и землей до тех пор, пока окончательно не развоплотишься, вместе с твоей жестокой бесстыжей душонкой, ролфи!» – пригрозила леди Алэйа.

«Ничего, ничего! Священный Князь доведет дело до конца, огнем выжжет вашу с диллайн заразу, смоем в море грязь! За все отомстит, за все будете держать ответ!»

Значит, все-таки без Вилдайра Эмриса здесь не обошлось, поняла Джона. Будем знать!

А у Эйккена эрн-Янэмарэйна за столько веков забвения накопилось что сказать живым, и он вовсе пользовался случаем быть услышанным. Более всего он напоминал рассерженного шмеля, вьющегося по комнате с угрюмым гудением. Джойана с улыбкой наблюдала за его монотонным кружением, откинувшись на подушки.

«Повезло тебе, Жареный, если бы не я, то до кого б ты докричался?»

«Оддэйн все слышит!»

«Угу-угу. Что ж он тебя до сих пор не забрал в Чертоги? А? Может, ему там еще один ценитель красоток-шуриа попросту не нужен?»

Ох, что тут началось! От мельтешения перед глазами ролфийского меча у Джоны голова едва не закружилась. Зато так смешно.

Сидим на подушках и любимся на озверелого призрака – получаем свое маленькое удовольствие и думаем о том, что смейся или не смейся, а ведь Эйккен любил свою несчастную

жену. О! Еще как любил. И до сих пор любит, как это принято у ролфи, одновременно умудряясь еще и от всей души ненавидеть. Счастье, что у шуриа собственное посмертье, а то и там бы нашел, настиг и за косы отволол в Чертоги к Оддэйну. Недаром верность ролфи вошла в поговорку.

«Она мне была верна, а ты собственному мужу рога наставила, поганка!»

«А вот это не твое дело, Жареный Пес», – вспылила Джона.

Бранд не виноват, что первым в ее жизни всегда был другой. Во всяком случае, не многовековому покойнику судить.

Рэналд эрн Конри

«Что за?.. Какого проклятого змея ты вырядился в юбку, Сэйвард?!»

Нет, конечно же, лорд-секретарь эрн Конри удержался от этого возгласа и ничем не выдал своего изумления, даже бровью не повел. Разве что зрачки слегка расширились у него и глаза на миг плеснули волчьей зеленью, но вошедшая в его кабинет девица была слишком занята борьбой с собственными чувствами, а потому вряд ли что-то могла заметить. А вот князь, незримое присутствие которого в комнате Конри уже успел почуять, наверняка разглядел все, если не мысли прочитал, и сделал свои выводы. Их только слепой не сделал бы – да еще эта вот девочка, так убийственно похожая на своего отца. Из Чертогов Оддэйна нет возврата, и духи мертвых сроду не являлись ни одному ролфи, так что Сэйвард эрн-Кэдвен не мог вдруг предстать перед бывшим другом...

А если бы мог?

«Я не виноват, – наверное, в тысячный раз повторил Рэналд больше самому себе, чем Сэйварду или его дочери. – Был приказ, и была необходимость. Ты знал, на что шел, Кэдвен. Знал, на что шел! Я не виноват».

Но капитан Кэдвен и так это помнил, а Грэйн ир-Марен не убедит и тысяча клятв. Или все-таки?..

– Как несказанно приятно мне наконец-то иметь возможность видеть вас, моя дорогая, – с обаятельнейшей из улыбок Конри, изображая приветствие, чуть привстал в кресле и указал ей на другое, напротив: – Присаживайтесь, посвященная госпожа. Быстрота, с которой вы исполнили мое предписание касательно вашего прибытия, делает вам честь. Устали с дороги?

– Ничуть, милорд, – отозвалась она, осторожно присаживаясь на самый краешек и напряженно выпрямив спину. И выжидающе уставилась на него, прямо-таки сверля взглядом. В глаза смотрела, словно позабыв вдруг все древние правила вежливости.

«Знает», – констатировал лорд-секретарь и мгновенно сменил и тон, и выражение лица.

– Что ж, прекрасно, – откинувшись на спинку кресла, он сцепил руки на животе в замок и окинул ее холодным оценивающим взглядом. – Тогда нет нужды тратить время на пустые любезности, прапорщик. Вы отслужили под знаменами Бегущего Волка три пятилетия и получили офицерский чин и знак посвящения Локке. Скажите, теперь вы намереваетесь выйти в отставку, дабы воспользоваться заслуженными привилегиями, положенными вам по статусу, или же решитесь продолжить путь служения Ролэнси честью и кровью?

– Думаю, – взгляда дочка Сэйварда так и не отвела, – вы знаете ответ, милорд, иначе не стали бы дарить мне этот чин. Полагаю, это был аванс. Я его приняла. Это – ответ. Теперь я здесь, перед вами, и жду ваших приказаний.

– Вот как, – Конри тонко усмехнулся. Молодая волчица показывает зубы. Хорошо! – Ждете, значит, приказаний... И вы понимаете, конечно же, что эти мои приказания могут показаться вам... странными... или даже непристойными? Несовместимыми с офицерской честью? А?

– Вполне понимаю, милорд, – она сперва серьезно кивнула, а потом вдруг усмехнулась в ответ: – Однако я понимаю также, что вы неспроста вызвали именно меня и именно сюда, а не в ваш кабинет на площади Дозорных Башен. Следовательно, это я вам нужна. Поэтому, прежде чем говорить о приказах, не обсудить ли нам вопрос цены?

Рэналд эрн-Конри, признаться, ожидал иного ответа. Девическое смущение или праведный гнев были бы уместней, на его взгляд, чем это... предложение поторговаться?

Из темного угла кабинета ему почудилось еле слышное фырканье. Значит, Его Священная Особа все-таки почтил нынче дом лорда-секретаря своим присутствием, как и грозился. И, вероятно, получает массу удовольствия, наблюдая за этим безумным разговором.

– Я не совсем понимаю вас, *прапорщик*, – сухо молвил Конри, выделив это «прапорщик» голосом и жестом. – Вы что же, торговаться со мной вздумали?

– Ну, отчего же, – волчица и впрямь показала зубы. Буквально. – Вы же прекрасно знаете, чего именно я хочу. Ради чего я отдала пятнадцать лет армии и сижу теперь здесь, перед вами.

– А! – Конри оскалился в ответ. – Земля, не так ли?

– И не просто земля, – жестко отрезала она. – Я желаю вернуть наследственное владение моего отца – и его благородное имя. Мой Кэдвен.

– *Мой Кэдвен*, хотели вы сказать, – уточнил он, прищурившись. – Неплохо! Клянусь Своей Оддэйна, воистину нескромное желание для дочери предателя и безземельной торговли!

– Что до моего отца, – продолжала Грэйи, глядя теперь куда-то в стену поверх его плеча и словно не слыша этой реплики, – то предателем он не был, и вам это известно не хуже меня. А может быть, даже лучше.

«Дерзость отчаяния, – удовлетворенно подумал он. – Или отчаянная дерзость? В любом случае, я не ошибся. То, что надо».

– Что ж, может быть, и так, – уже откровенно ухмыльнулся лорд-секретарь. – Но тогда вы тем более должны понимать, чем закончится для вас неудача.

Девушка слегка посерела.

– О да, – пробормотала она. – Но я готова выполнить любой ваш приказ, если... то есть когда вы...

«Попалась», – констатировал он.

– Тогда перестаньте лепетать, эрна Кэдвен. Да, вы получите это владение. Более того, необходимые бумаги я подготовлю немедленно. Но вот это – действительно аванс, и, кровью Локки клянусь, вам придется его хорошенько отработать.

– Что я должна буду сделать? – наконец-то догадалась спросить девушка.

– Очень своевременный вопрос, – Конри хохотнул и выбрался из-за стола. – Подите-ка сюда, поближе. Взгляните, – он отдернул шторку, открыв огромную, во всю стену, «карту Ролэнси, прилегающих морей и сопредельных территорий». – Вам знакомо это название?

– Остров Тэлэйт, – голос дочери Сэйварда все-таки дрогнул.

– Верно. Остров Тэлэйт или, как именовали его шуриа, *Шанта*. *Корона*, а точнее будет сказать – *ключ*. Ключ к Проливам, завладев которыми мы сможем наплевать на нежелание Синтафа мирно пропускать наши корабли в порты Конфедерации. И в какой-то степени ключ к самому Синтафу.

– Или плацдарм... – пробормотала она.

– Умница, – Конри одарил ее улыбкой, от которой бледные щеки прапорщика ир-Марен слегка порозовели. – И совершить вам предстоит именно то, чего не смог сделать ваш отец. И те, кто пробовал после него – а таковых было немало. Грэйи эрна Кэдвен, – торжественно провозгласил он, – вам надлежит добыть для Ролэнси этот ключ.

– Кровь Локки, как увлекательно, – буркнула Грэйи с едва скрытым сарказмом в голосе. Нарочитый пафос слов Конри смыл с ее лица малейший признак смущенного румянца.

– Так вы согласны?

– А почему вы спрашиваете? – мрачно поинтересовалась она. – Разве ответ не очевиден?

– Чтобы дать вам иллюзию свободного выбора, – откровенно ответил лорд-секретарь. – И вы, разумеется, понимаете, что это всего лишь формальность. Я уже слишком многое вам рассказал, чтобы вы могли теперь отказаться.

– Я догадалась. Что ж, считайте, что формальности мы соблюли.

– Отлично, – Конри кивнул. – Тогда, прежде чем я продолжу, вот вам первый странный приказ. Раздевайтесь.

Вилдайр Эмрис, Священный Князь

«Неплохое начало, Конри, – мысленно усмехнулся князь. – Вот и проверим, насколько наша будущая героиня хладнокровна и выдержанна».

Сказать по правде, давным-давно миновали те времена, когда Вилдайра Эмриса могла бы привести в неистовство обнаженная женская натура. И дело тут отнюдь не в возрасте – с силой во всех смыслах у Священного Князя был порядок, – а в религиозных и брачных узах, коими представитель Оддэйна на земле был связан со своими женами – воплощениями лунных богинь. Право, когда одна твоя супруга символизирует собой, помимо всего прочего, Войну, а другая – Коварство, не так уж много желания остается даже на легкий флирт. Союзы ролфи предполагают абсолютную верность брачным обетам, и не в традиции здесь дело, а в крови. Однако никакие родовые особенности не могут запретить истинному ролфи полюбоваться молодой соплеменницей, способной выносить прекрасных сильных волчат. Тем более случай представился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.